

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 19 / 2017

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

Почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабидулин А.Г., д.ю.н., профессор;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Либералы и революция

Шелохаев В.В. Влияние революции 1917 г. на трансформацию либеральной модели преобразования России 3

Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале — октябре 1917 г. 13

Вострикова В.В. 1917 г. как крушение российской государственности: революция глазами современников... 18

Журавлев В.В. Российский либерализм и Учредительное собрание..... 26

Гайда Ф.А. Кадетская партия в 1917 г.: идеологическая трансформация в условиях революции 33

Соловьев К.А. Концепция революции в кадетской публицистике 1905–1907 гг. 39

Попова А.В. Систематизация государственно-правового развития в трудах Павла Николаевича Милюкова 45

Гронский А.Д. Современные белорусские либералы о революционных событиях 1917 г. и попытке создания Белорусской Народной Республики 51

Егоров А.Н. Политические взгляды либералов Европейского Севера России начала XX в. на реформирование государственного устройства 58

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 06.09.2017.

Номер вышел в свет 28.09.2017.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 19 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Liberals and Revolution

Shelokhaev V.V. Influence of 1917 Revolution
on Transformation of Russian Liberal

Reform Model 3

Aronov D.V., Kosheleva S.V. Typology
of Government Authority in Russia

in February — October 1917 13

Vostrikova V.V. 1917 as Disruption of Russian
Statehood: Revolution in Eyes of Contemporaries.....

18

Zhuravlev V.V. Russian Liberalism
and Constituent Assembly

26

Gayda F.A. The Cadet Party in 1917:

Ideological Transformation in Conditions

of Revolution 33

Solovyev K.A. Concept of Revolution

in Cadet Opinion Journalism in 1905–1907 39

Popova A.V. Systematization of State Legal
Development in Works of Pavel Nikolaevich

Milyukov..... 45

Gronsky A.D. Contemporary Belarusian
Liberals on Revolutionary Events of 1917

and Attempt at Creation of the Belarusian

People's Republic 51

Egorov A.N. Political Views of Liberals

of European North of Russia in Early XX Century

on State Structure Reforming 58

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 5,0.

Conventional printed sheet 5,0.

Passed for printing 06.09.2017.

Issue was published 28.09.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;

Catalogue of the Russian press — 10866;

United Catalogue — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Влияние революции 1917 г. на трансформацию либеральной модели преобразования России

*Шелохаев Валентин Валентинович,
главный научный сотрудник,
руководитель центра «История России в XIX — начале XX в.»
Института российской истории Российской академии наук,
доктор исторических наук, профессор
shelokhaev@gmail.com*

В статье рассматривается трансформация программных положений кадетской партии после Февральской революции 1917 г. Показано, что, формулируя раздел программы о типе государственного устройства России, кадеты исходили из принципа политической целесообразности. Именно этими соображениями объяснялся отказ после отречения Николая II от престола от лозунга конституционной или парламентарной монархии в пользу установления демократической парламентарной республики. В ракурсе осуществления идеи разделения властей прослеживается дискуссия в рядах кадетов по вопросу о пределах компетенции Учредительного собрания, об организации исполнительной власти в период его работы. обстоятельно анализируются подходы кадетов к проблеме административно-территориального устройства России, содержание внесенных в программу кадетской партии церковного и военного разделов, а также корректировка аграрного раздела. Автор приходит к выводу о том, что в условиях новой исторической реальности 1917 г. кадеты продемонстрировали способность к оперативной трансформации своей модели преобразования России, отразив максимум уступок, на которые готовы были пойти, чтобы удержать революционный процесс в мирных рамках демократических преобразований российского общества, предотвратить сползание страны в анархию и хаос.

Ключевые слова: либерализм, кадетская партия, Учредительное собрание, монархия, республика, разделение властей.

Influence of 1917 Revolution on Transformation of Russian Liberal Reform Model

*Shelokhaev Valentin V.,
Chief Research Scientist,
Head of the Centre of Russian History of XIX — Early XX Centuries
of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of History, Professor*

The article deals with the transformation of the Constitutional Democratic Party strategies after the February Revolution 1917. It is shown that, formulating the program section about the type of Russia's state structure, the Kadets followed the principle of political expediency. In light of this Nicholas II refusal from the throne after his abdication in favor of establishing a democratic parliamentary republic can be explained. From the perspective of implementing the idea of separation of powers, a discussion was held among the Kadets concerning the Constituent Assembly competence, and the organisation of the executive authorities during its time in power. The article gives a detailed analysis of the Constitutional Democratic Party approach to the problem of Russia's administrative and territorial structure, the content of the church and military sections added to their programme, and the revising of the agrarian section. The author comes to the conclusion that, under the new historical reality of 1917, the Kadets demonstrated the ability to transform their model of Russia's reorganization, rebutting the maximum concessions they were prepared to take, to keep the revolutionary process in the peaceful framework of the democratic transformations of Russian society, to prevent the country's sliding into anarchy and chaos.

Key words: liberalism, the Constitutional Democratic Party (the Kadets), the All-Russian Constituent Assembly, monarchy, republic, separation of powers.

Учитывая наработки новейшей отечественной историографии¹, в настоящей статье речь идет тех коррективах, которые были внесены кадетскими теоретиками в наиболее важные разделы своей программы после Февральской революции 1917 г. Напомню, что пересмотр политическими партиями своих программных документов является вполне нормальным явлением. А диапазон этих изменений зависит от динамично меняющейся реальности и конкретного соотношения политических и социальных сил в данный конкретный момент. В этом смысле теоретики нового либерализма не были исключением из общего правила, характеризующего «зигзаги» политического поведения практически всех общероссийских и национальных партий.

Новая политическая реальность, возникшая в России после победы Февральской революции, настоятельно требовала от либеральных теоретиков и политиков оперативного реагирования на новые вызовы, внесения соответствующих коррективов в разделы своей партийной программы

Прежде всего, вновь возник вопрос о пересмотре политического раздела программы о типе государственного устройства после революционной России. Напомню, что данный раздел либеральной программы подвергался пересмотру уже не первый раз. Еще при разработке «освободительского» варианта конституции в сентябре — октябре 1904 г. в либеральной среде разгорелась жаркая дискуссия о предпочтительности установления либо республиканской, либо конституционно-монархической модели государственного устройства. Если в 1904 г. проблема рассматривалась исключительно в теоретической плоскости, то через год, в октябре 1905 г., она приобрела более конкретные очертания. В результате массовых выступлений авторитарный режим был «загнан в угол» и, согласившись на переговоры с оппозицией, просчитывал допустимую для него возможность уступить общественному мнению. В этих условиях либералы заняли выжидательную позицию, стремясь на всякий случай избежать каких-либо определенных формулиро-

вок программного и тактического характера. Не случайно пункт программы о типе государственного устройства на Учредительном съезде кадетской партии был изложен весьма неопределенно. После подавления вооруженных выступлений политическая ситуация в стране стала меняться. Поэтому на II съезде кадетской партии, в январе 1906 г., будущий государственный строй характеризовался уже более определенно, именно как парламентарный и конституционно-монархический.

В свое время «освободительские» теоретики, будучи убежденными сторонниками идеи «народоправства», подчеркивали, что вопрос о Конституции в России, а, следовательно, и о типе государственного устройства, должно решить Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права. Неудача насильственного свержения самодержавного режима в декабре 1905 г. блокировала возможность созыва Учредительного собрания и, по сути, на длительный период перечеркнула мечту левых «освободителей» о введении в России демократического республиканского образа правления. Отстаивая принцип парламентаризма, кадетские теоретики, учитывая политическую реальность, вынуждены были временно снять лозунг созыва всенародно избранного Учредительного собрания и ограничиться введением в раздел политической программы требования парламентарной и конституционной монархии. Февральская революция 1917 г. смела с политической сцены монархический режим, поэтому либералам пришлось вновь возвратиться к обсуждению программного раздела о форме государственного устройства России.

Разъясняя делегатам VII съезда кадетской партии отказ ее руководства от идеи монархизма, один из ее ведущих теоретиков, Ф.Ф. Кокешкин, рассуждал следующим образом.

Во-первых, обращаясь к предыстории вопроса (т. е. к «освободительским» дискуссиям 1902–1904 гг.), Ф.Ф. Кокешкин признал, что «монархия конституционная или парламентарная» не была для левых «освободителей», а затем и кадетов «верховным принципом, которому бы мы подчинили всю нашу политическую программу». Монархия, утверждал он, была для нас «не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности». Ф.Ф. Кокешкин не скрывал, что кадеты, принимая и корректируя свои программные лозунги, всегда руководствова-

¹ Протасов А.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997; Шелухин В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. СПб., 2017.

лись не принципами, а именно политической целесообразностью. Обращаясь к предыстории вопроса, Ф.Ф. Кокошкин подчеркнул, что либералы, будучи сторонниками народоуправства, рассматривали парламентскую конституционную монархию в качестве переходной ступени, через которую «переход от абсолютизма к народоуправству мог бы совершаться наиболее легким образом».

Во-вторых, принимая свою программу в 1905 г. и внося в нее коррективы в 1906 г., кадеты, продолжал развивать свою мысль Ф.Ф. Кокошкин, вынуждены были учитывать и такое немаловажное обстоятельство, как отношение населения к монархии, с которой оно связывало «свое представление о государстве с личным символом». Поэтому они и не хотели, «насилуя эту потребность, навязать народу свои собственные идеалы». Однако за 12 прошедших лет, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, «государственное самосознание народа изменилось» и «личный символ утратил свой идеал». Монархия сама «подорвала собственные устои и своими собственными руками готовила свою гибель»².

Из этих рассуждений логически следовал вывод: в данный момент, т. е. после свержения монархии в 1917 г., в программу партии целесообразно внести требование демократической республики, которое, с одной стороны, позволило бы учесть изменившееся «самосознание народа», а, с другой — снять противоречия между либералами и социалистами по вопросу о форме государственного устройства. «Монархия, — заявил Ф.Ф. Кокошкин, — нас разделяет, а республика соединяет». В новой политической ситуации, сложившейся в стране после Февральской революции, Россия, считал Ф.Ф. Кокошкин, должна стать демократической парламентской республикой. «Республика в наших глазах не может не быть самой совершенной формой правления, ибо, — подчеркивал он, — это такая форма правления, при которой наш демократический принцип: господство воли народа — осуществляется в самом полном и чистом виде»³. Чтобы обеспечить действительное господство демократического принципа, считал Ф.Ф. Кокошкин, «в республике должно быть проведено разделение власти». В республике законодательная власть должна «целиком принадлежать

представительному собранию»⁴. Эти доводы Ф.Ф. Кокошкина обеспечили единогласное (323 делегата) принятие решения об изменении § 13 программы о государственном устройстве России. В новой ее редакции читаем: «Россия должна быть демократической парламентской республикой»⁵.

Единогласно была принята и формула Ф.Ф. Кокошкина: «Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен стоять Президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства»⁶.

Главной заботой либеральных юристов после Февральской революции был поиск оптимального решения вопроса о практической реализации основополагающей идеи разделения властей в общей системе правового государства. Во-первых, речь шла о том, чтобы четко разграничить вопросы правомочности Временного правительства и его законодательные и исполнительные функции. По мнению сторонников «народного суверенитета», источником власти правового государства должна быть воля большинства народа, выраженная Учредительным собранием, избранным на основе всеобщего избирательного права.

На VII съезде кадетской партии был заслушан и обсужден доклад Ф.Ф. Кокошкина «Об Учредительном собрании», сроки созыва и объем его компетенции, которого весьма волновали все российское общество. «Русский народ, — говорил докладчик, — стоит перед Учредительным Собранием, через которое он свободно выразит свою волю и утвердит свою свободу. Это будет историческое собрание, которое, может быть, на столетие вперед определит путь нашего дальнейшего политического развития»⁷. Напоминая, что Временное правительство дало обещание созвать Учредительное собрание в кратчайший срок, Ф.Ф. Кокошкин считал, что «все данные говорят в пользу того, что Учредительное Собрание может и должно быть создано еще во время войны». Если это будет действительно так, то «точное определение срока этого созыва будет зависеть

² Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1917 гг. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 369–370.

³ Там же. С. 373.

⁴ Там же. С. 377.

⁵ Там же. С. 400.

⁶ Там же. С. 400, 492.

⁷ Там же. С. 403.

от хода военных действий», ибо «среди серьезных и решающих военных операций провести выборы в армии, стоящей на фронте, будет, конечно, невозможно». Однако «в момент затишья военных операций» выборы в армии могут быть проведены. Кроме того, Ф.Ф. Кокошкин обратил внимание на ряд процедурных сложностей при подготовке избирательной кампании (выработка избирательного закона, составление списков избирателей, которые будут осуществлять органы местного самоуправления, которые, в свою очередь, также должны быть переизбраны на основе всеобщего избирательного права, период избирательной агитации и подведения итогов выборов). В результате, при самом благоприятном стечении обстоятельств, Учредительное собрание могло быть создано не ранее конца лета или начала осени 1917 г. «Это мне, — заявил Ф.Ф. Кокошкин, — представляется самым ранним сроком»⁸.

В его докладе было определено оптимальное число депутатов Учредительного собрания, которое не должно превышать 800 человек. Ф.Ф. Кокошкин считал, что выборы депутатов Учредительного собрания должны проходить на основе пропорциональной системы, которая, по его мнению, на данный момент является «наиболее совершенной» и «наиболее справедливой». Разделяя эту точку зрения, ЦК кадетов обращается к местным партийным организациям с просьбой «подвергнуть этот вопрос обсуждению и в скорейшем времени предоставить свои заключения Центральному комитету, который внесет вопрос о системе выборов на следующий съезд для окончательного решения»⁹. VIII съезд партии на своем заседании 12 мая 1917 г. принял предложение ЦК о желательности пропорциональной системе выборов в Учредительное собрание¹⁰.

Говоря о пределах компетенции Учредительного собрания, Ф.Ф. Кокошкин особо подчеркнул, что, исходя из реального положения дел, эти пределы нельзя ничем ограничить. «Юридически оно будет полномочным, и никто не может ни ограничить его круга ведомства, ни поставить срок, когда оно должно кончить свою деятельность. И то и другое — и свою компетенцию, и срок своей деятельности — Учредительное собрание само определит своей собственной

властью»¹¹. Вместе с тем в чисто практическом плане Учредительное собрание, считал он, должно «само ограничить себя»: «Оно должно само очертить круг своих задач и не выступать в пределы тех задач, а также положить срок своей деятельности». Основная задача Учредительного собрания — принятие российской конституции, определение образа правления, а также решение всех важных государственных вопросов, вставших к этому времени на повестку дня.

В своем докладе Ф.Ф. Кокошкин подробно остановился на вопросе об организации исполнительной власти в период работы Учредительного собрания. «Исполнительная власть, — подчеркивал он, — должна быть отделена от законодательной и должна быть отделена от Учредительного Собрания даже временно до установления окончательной конституции». Временная исполнительная власть устанавливается Учредительным собранием на началах парламентаризма. Учредительное собрание должно избрать временного главу исполнительной власти (Президента республики), который будет осуществлять «правительственные функции через министерство, ответственное перед Учредительным собранием». «Таким образом, — отмечал Ф.Ф. Кокошкин, — исполнительная власть будет, с одной стороны, отделена от Учредительного собрания, но, с другой стороны, будет находиться в зависимости от него. Министерство будет существовать до тех пор, пока будет пользоваться доверием собрания»¹².

В результате единогласного голосования была принята резолюция Ф.Ф. Кокошкина: «1) Учредительное собрание должно быть создано в возможно кратчайший срок, но с соблюдением всех гарантий, необходимых для того, чтобы выборы могли правильно выразить народную волю. 2) Так как Учредительное Собрание будет обладать всею полнотой власти, то определение его компетенции и продолжительности его деятельности будет зависеть от него самого. Но нужно признать желательным, чтобы по выполнении своих задач, заключающихся в установлении конституции России и в разрешении тех неотложных государственных вопросов, которые встанут на очередь ко времени созыва Учредительного Собрания, оно возможно скорее уступило место установленному им законо-

⁸ Там же. С. 407.

⁹ Там же. С. 412.

¹⁰ Там же. С. 603.

¹¹ Там же. С. 413.

¹² Там же. С. 414–415.

дательному порядку. 3) На время деятельности Учредительного Собрания исполнительная власть должна быть организована по принципу ответственного пред Учредительным Собранием министерства»¹³. Вопрос о месте проведения Учредительного собрания съезд оставил открытым.

Отстаивая идею созыва Учредительного собрания в кратчайшие сроки, кадетские юристы считали, что оно должно выработать и принять конституцию, в которой и будет окончательно определена форма государственного устройства (структура исполнительной и законодательной органов власти). Такой «непредрешенческий» подход, безусловно, был рассчитан на политическую консолидацию либеральных сил (среди них продолжал дебатироваться вопрос об однопалатном или двухпалатном представительстве, о мажоритарной и пропорциональной избирательной системе), заинтересованных в мирном переустройстве России. Вместе с тем идея «непредрешенчества» в определенной степени сглаживала те противоречия, которые имели место между кадетами и социалистическими партиями.

Отстаивая идею «непредрешенчества», кадетские юристы сосредоточились на разработке модели правового государства, которая должна была стать основой конституции, принятой на Учредительном собрании. При Временном правительстве был создан ряд комиссий и совещаний (Юридическое совещание, Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия и др.), в состав которых вошли кадетские юристы Ф.Ф. Кокошкин, М.С. Аджемов, Д.Д. Гримм, Б.Э. Нольде, А.Э. Нольде, Н.Н. Лазаревский, В.А. Маклаков, В.Д. Набоков, П.П. Гронский и др.¹⁴ На рассмотрение Юридического совещания передавались все вопросы публичного права, возникающие в связи с разработкой всего комплекса проблем, связанных с установлением в России нового государственного строя. Кроме того, Юридическое совещание давало заключения по всему кругу проблем, имеющих законодательный характер. В контексте об-

щей либеральной правовой теории Юридическое совещание подготовило проекты основополагающих документов: Конституция Российского государства, Декларация прав гражданина, в которых был аккумулирован многовековой мировой и отечественный опыт наработок в области создания действенной и эффективной модели гражданского общества и правового государства. Юридическим совещанием был разработан и проект закона «Об организации Временной исполнительной власти при Учредительном собрании», в котором были четко прописаны функции и круг полномочий временного Президента демократической парламентской республики. Помимо текущего оперативного руководства исполнительной ветвью власти, в компетенцию Президента входили внешнеполитические вопросы (объявление войны, заключение договоров), исполнение функций главнокомандующего вооруженными силами. Президент имел право и законодательного почина. Вместе с тем кадеты считали необходимым специально подчеркнуть, что все действия Президента должны находиться под контролем Учредительного собрания. Всероссийской комиссией по выборам в Учредительное собрание был разработан избирательный закон, причем в ходе его длительной подготовки победу одержали сторонники пропорциональной системы выборов, которая должна была гарантировать права меньшинства.

Весной и летом 1917 г. кадетскими юристами были разработаны проекты реформ местного самоуправления и управления, многие из которых стали действующими законами (закон от 15 апреля 1917 г. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях»; закон от 25 мая 1917 г. «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных»; законы от 9 июня 1917 г. «Об общественном управлении городов» и «Об изменении действующих положений о губернских земских учреждениях»; закон от 15 июля 1917 г. «О поселковом управлении»). Суть реализуемых Временным правительством законов, разработанных либеральными юристами, сводилась к ликвидации архаичной системы и к реальному осуществлению демократизации местного самоуправления и управления. Реализация в законах принципа всеобщего избирательного права обеспечивала децентрализацию управления и способствовала значительному расширению компетенции органов местного самоуправления. Согласно

¹³ Там же. С. 430, 492.

¹⁴ См.: Стародубова А.А. Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Черкесова Н.И. Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия. (Всевыборы). 3 марта 1917 — 1 марта 1918 г. М., 2002; Протасов А.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

законам, выборы на уровне поселка и волости, как правило, производились на основе мажоритарной системы. Однако по решению уездной управы допускалась и пропорциональная система выборов. Выборы же в уездное и губернское земство осуществлялись исключительно на основе пропорциональной системы, учитывающей интересы меньшинств и региональные особенности. Органы местного самоуправления получали право образовывать союзы и товарищества. Единственным ограничением было то, что союзы и товарищества не имели права устанавливать налоги и издавать обязательные постановления.

Как видим, используя огромный интеллектуальный опыт наработок теоретиков и идеологов российского либерализма, Временное правительство достаточно оперативно приступило к созданию столь необходимых базовых низовых структур гражданского общества и правового государства. К сожалению, последующие события — большевистский переворот и Гражданская война — не позволили довести этот либеральный эксперимент до его логического конца.

Большое внимание либеральные теоретики уделили разработке национального вопроса. На VIII съезде кадетской партии был заслушан доклад Ф.Ф. Кокошкина «Автономия и федерация». Подчеркивая свою приверженность принципу единой и неделимой России, он категорически высказался против предоставления народностям права политического самоопределения. Докладчик считал, что в условиях политической нестабильности и усиления конфронтации в сфере национальных отношений разделение страны даже по национально-территориальному принципу, на чем настаивали представители отдельных национальностей, с логической неизбежностью привело бы к «полному разрушению единства России, к установлению даже не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)». Наиболее оптимальным решением национального вопроса в рамках полиэтничного государства, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, должно было стать представление народностям культурно-национальной автономии. В противном случае, заявил он, могло вообще произойти «крушение русской революции и русской республики под ударами разгоревшихся национальных страстей»¹⁵.

Вместе с тем он не отрицал, что в перспективе вполне могут сложиться условия для введения территориальной автономии, «поставленной в зависимость от всей совокупности экономических, этнографических, бытовых условий. Притом при такой постановке вопроса имеется в виду автономия не государственного, а провинциального типа со сравнительным узким кругом ведомства, относящимся к чисто местным делам». Местному же законодательству должны быть предоставлены вопросы «местной национально-культурной жизни, правила употребления различных языков в местных учреждениях, с соблюдением основных принципов, которые будут установлены общегосударственным законодательством для охраны прав общегосударственного языка и языков национальных меньшинств»¹⁶.

В данный же исторический момент Ф.Ф. Кокошкин считал вполне назревшим распространение местного самоуправления на всю территорию России. Губернским и областным земствам могли быть предоставлены широкие права, включая издание местных законов в сфере хозяйственной, культурной и культурно-национальной жизни. Однако при этом местное законодательство не должно было противоречить общегосударственному законодательству. Общегосударственным органам власти предоставлялось право в случае необходимости применять вето по отношению к местному законодательству. Губернские и областные органы местного самоуправления могли вступать между собой «в срочные и бессрочные» соглашения для совместного осуществления общих задач и образовывать для этой цели «временные и постоянные союзы». Изменение территориальных границ губерний и областей, а также их разделение и слияние могло быть осуществлено «по инициативе и с согласия подлежащих местных представительных собраний и в соответствии с желаниями местного населения», но только в порядке общегосударственного законодательства. Подчеркнув, что «революцию совершил весь российский народ, без различия национальностей», надо помнить, что в данный исторический момент было бы не разумно «разбегаться» по отдельным «национальным квартирам». «Сейчас наша задача — вместе всем, сообща, утвердить свободу всей России, а в будущей свободной

¹⁵ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии... С. 561.

¹⁶ Там же. С. 563–564, 723.

России не могут быть закрыты пути для удовлетворения каких-нибудь справедливых требований»¹⁷.

В резолюции, внесенной Ф.Ф. Кокоскиным от имени ЦК, большое внимание было уделено проблемам русского и национальных языков. В логике общей либеральной теории решения национального вопроса русский язык должен сохранить статус не только общегосударственного, но и должен быть языком межнационального общения, т. е. выполнять интегрирующую роль межнационального сближения национальностей, проживающих на территории России. В местных государственных и общественных учреждениях, содержащихся за счет государства или органов местного управления, устанавливалось право употребления местных языков соответственно национальному составу населения. При этом должны быть в порядке общегосударственного законодательства обеспечены права русского языка и языков национальных меньшинств. Населению каждой местности предоставлялось право получения начального и по возможности среднего и высшего образования на родном языке. VIII съезд партии кадетов большинством голосов поддержал основные положения доклада и резолюции Ф.Ф. Кокоскина и внес соответствующие изменения в новую редакцию партийной программы¹⁸.

На IX съезде кадетской партии, состоявшемся 23–28 июля 1917 г., в новую редакцию программы было включено два новых отдела: церковный и военный. Положив в основу решения церковного вопроса принцип свободы вероисповеданий культа, кадеты подчеркивали, что православие, как религия значительного большинства населения, должна занимать приоритетное положение «во всех актах государственной жизни, в которых государство обращается к религии, и в публичных богослужебных действиях». Православная церковь является институтом публично-правового характера, которому государство должно оказывать покровительство в законе и материальную поддержку. Такими же институтами публично-правового характера признавались и другие вероисповедания («соответственно их распространению»), которым также обеспечивалось «покровитель-

ство в законе и материальная поддержка» со стороны государства.

Контрольные функции за наблюдением над реализацией «актов Церкви» и их «закономерности» возлагались на министра исповеданий. Церковно-приходской общине предоставлялись права юридического лица публично-правового характера. Такие права имели соответствующие учреждения и других вероисповеданий, которые признавались институтами публично-правового характера. С духовенства снимались права и обязанности по ведению актов гражданского состояния (метрических, брачных, по воинской повинности, статистические и проч.) и по «объявлению с церковной кафедры манифестов, указов и других чисто государственных распоряжений»¹⁹.

Что же касается военного отдела программы, то в нем подчеркивалось, что вооруженные силы России «составляют одну общую для всего государства организацию, подчиненную Президенту Российской республики, верховному вождю армии и флота». Власть Президента в качестве верховного вождя армии и флота осуществляется им через ответственное перед народным представительством правительство в лице входящих в его состав министров военного и морского. Функции снабжения и хозяйственно-административные должны быть «строго отделены от функций командных и военно-оперативных». С этой целью наряду с военным министерством как органом высшего военно-хозяйственного и административного управления и независимо от него учреждался «реорганизованный Генеральный штаб в качестве органа высшего строевого управления армии, ответственного за его боевую подготовку». Начальник Генерального штаба и управляющий военным министерством должны быть независимы друг от друга и оба непосредственно подчинены военному министру. На таких же началах должно быть построено высшее управление флотом и морским ведомством. Армия и флот должны были комплектоваться на основе всеобщей обязательной воинской повинности с применением «по возможности территориальной системы». Величина контингента ежегодно определялась законом. Взаимоотношения воинских чинов должны быть основаны на началах законности и строгой воинской

¹⁷ Там же. С. 569.

¹⁸ О ходе дискуссий по национальному вопросу на съездах партии народной свободы см. подр.: Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 517–520.

¹⁹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии... С. 724–725.

дисциплины, в соответствии «с основными принципами правового демократического государства и опытом западноевропейских демократий». Отменялись всякого рода личные и корпоративные привилегии при прохождении службы. Чины гвардии и армии уравнивались в правах. Подлежал упразднению корпус офицеров Генерального штаба. В основание прохождения строевой службы должен быть положен строевой ценз, а в основание прохождения нестроевой службы — специализация функций²⁰.

Определенной корректировке подвергся и аграрный раздел либеральной программы.

Исходные принципы «подвижек» по аграрному вопросу после Февральской революции 1917 г. были сформулированы Н.Н. Черненковым. С одной стороны, он самым решительным образом высказался против социализации, национализации и муниципализации земли, предлагаемых представителями различных социалистических партий и течений. С другой стороны, он настаивал на необходимости передачи «трудового землевладения» непосредственно в руки трудящихся. «Земли сельскохозяйственного пользования, — подчеркивал он, — должны принадлежать трудовому земледельческому населению»²¹. Признавая право на существование «всех исторически сложившихся и могущих возникнуть форм местного земельного устройства», Н.Н. Черненков подчеркивал, что непосредственным «распределителем земли в современном государстве может быть только само население, живущие и хозяйствующие на этой земле»²².

В новой редакции программы были расширены источники пополнения государственного земельного фонда для наделения крестьян. В него должны были войти земли государственные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, принадлежащие Крестянскому и Дворянскому банкам, а также принудительно отчуждаемые частновладельческие земли (лиц физических и юридических), превышающие трудовую норму. По существу, речь шла о принудительном отчуждении подавляющего большинства частновладельческих земель.

В свою очередь, принудительному отчуждению не подлежали: 1) земли сельских обществ и приравненные к ним казачьи земли;

2) все, не превышающие трудовой нормы, мелкие владения отдельных лиц и участки членов товариществ; 3) земли под фабриками и заводами, усадьбы, сады, виноградники, огороды; 4) земли, принадлежащие городам, земствам, а также другим учреждениям, предназначенным для образовательных, общественно-санитарных, научных и других общепользовательных целей. В тех местностях, где не было недостатка земли для нормального обеспечения малоземельного и безземельного населения, владельцам, ведущим хозяйство собственным инвентарем, предоставлялось право «сохранить за собой количество земли больше трудовой, но не свыше устанавливаемой для этого предельной нормы». Одновременно допускалось, что в исключительных случаях, если местные земельные учреждения признают необходимым сохранить «данное хозяйство в прежнем виде», сохранить за владельцем участок, превышающий предельную норму. Земли отводились нуждающемуся населению на началах постоянного (бессрочного) пользования — как коллективным единицам: общинам, обществам с подворным владением, товариществам и прочим союзам земледельцев, так и отдельным владельцам, «сообразно с местными особенностями существующего трудового землевладения и желаниями населения».

Принудительное отчуждение частновладельческих земель должно было производиться путем выкупа их государством. «В основу оценки земли полагается нормальная ее доходность с устранением из расчета тех повышающих доходность элементов, которые обуславливаются земельной нуждой населения, ненормальными условиями найма рабочих и пр. Во владениях, превышающих известные устанавливаемые законом пределы, излишек земли сверх этих пределов оценивается по нормам, прогрессивно понижаемым соответственно размерам упомянутого излишка. Нормы доходности земли вырабатываются местными земельными учреждениями и устанавливаются законом». Выкупная сумма должна была выплачиваться владельцам земли выкупными свидетельствами, причем государство принимало на себя погашение «всей выкупной суммы и известной доли процентов по выкупным свидетельствам». Остальная часть подлежащих ежегодно уплате процентов включалась в особый налог с земель, отводимых в пользование населению.

Местным земельным учреждениям предоставлялись достаточно широкие права

²⁰ Там же. С. 725–726.

²¹ Там же. С. 529.

²² Там же. С. 530.

в реализации земельной реформы, включая выработку критериев принудительного отчуждения частновладельческих земель, определение норм и их доходности, круга наделаемых малоземельных и безземельных местных крестьян, а также в решении вопросов их переселения.

Несмотря на бурную дискуссию, развернувшуюся на съезде кадетской партии по аграрному вопросу²³, ее лидерам удалось убедить большинство делегатов в рациональности данного варианта решения одного из ключевых вопросов революции 1917 г.

Помимо принятия новой редакции партийной аграрной программы, кадетские теоретики приняли решение адаптировать ее применительно к казачьему землевладению. Дело в том, что кадетское руководство рассчитывало на привлечение на свою сторону казачества, которое в условиях дальнейшего развития революции могло сыграть важную роль в поддержке и укреплении позиций Временного правительства. На заседании ЦК, 20 августа 1917 г., председатель аграрной комиссии А.А. Кауфман сообщил о разрабатываемых мерах, направленных к приспособлению партийной программы «к условиям казачьего землевладения».

Предварительные встречи с представителями казачества, подчеркнул А.А. Кауфман, показали, что они стоят «на той точке зрения, что все земли в войсковых пределах составляют войсковую собственность в смысле исключительного права казачества распоряжаться ими и никаким общероссийским планам не должны быть подчинены»²⁴. На X съезде кадетской партии по предложению А.И. Шингарева было принято предложение относительно проведения аграрной реформы в казачьих областях. «Для цели земельной реформы, — читаем в принятом дополнении к программе, — не могут быть затрагиваемы не только юртовые и станичные наделы, но также и запасные войсковые земли; равным образом и подлежащие принудительному отчуждению в границах казачьих территорий владельческие земли должны быть обращены на дополнительное земельное обеспечение нуждающегося в земле казачьего населения. Если только не пе-

решили еще в руки иного трудового населения»²⁵.

Два дополнения по докладу Шингарева было внесено в финансово-экономический раздел программы: «1. Партия должна в основу экономических мероприятий поставить своей задачей развитие производительных сил добывающей, обрабатывающей и сельскохозяйственной промышленности страны при неременном сохранении хозяйственной самостоятельности России и охране ее производительной жизни;

2. Развитие источников дешевой энергии и переработка отечественного сырья внутри страны должны стоять на первом плане в экономической программе так же, как и работы по земельной мелиорации и широкому развитию путей сообщения вплоть до морского транспорта. Развитие производительных сил страны должно идти рука об руку с законодательным обеспечением интересов трудящихся».

Наряду с этим съезд принял по докладу Шингарева два постановления. В первом из них отмечалось, что партия должна обратить внимание «на планомерное и своевременное проведение демобилизации армии и промышленности, работающей на оборону». Это должно быть сделано в интересах предотвращения безработицы, а также для того, чтобы рабочий класс испытывал наименьшее потрясение и промышленные предприятия, прекратившие производство военного снабжения и снаряжения, были направлены на производство недостающих стране продуктов и товаров, ввозимых из-за границы. Во втором постановлении речь шла об осуществлении ряда финансовых мероприятий, направленных на понижение таможенного обложения, сокращение косвенных налогов на предметы широкого потребления²⁶.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в условиях новой исторической реальности 1917 г. теоретики и политики нового либерализма продемонстрировали свои потенциальные возможности к оперативной трансформации своей модели преобразования России. Это, в частности, получило отражение в появлении в их программе новых разделов,

²³ См. подр.: Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 524–528.

²⁴ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915–1920. М., 1998. Т. 3. С. 394.

²⁵ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии... С. 742.

²⁶ Там же. С. 741–742.

в раскрытии формулировок уже существующих в ней положений. По сути, речь шла о совершенствовании их идеологической и политической картины мира. Не случайно на своих партийных форумах главная политическая партия российского либерализма — кадеты — не раз возвращалась к корректировке своих программных положений. Во-вторых, программа 1917 г. отражала максимум уступок, на которые готовы были пойти представители нового либерализма, чтобы удержать революционный процесс в мирных рамках демократических преобразований российского общества, предотвратить сползание страны в анархию и хаос. В-третьих, новая редакция кадетской программы, как наиболее полно и адекватно отражающая возможные пределы эволюции либерализма как ценностной мировоззренческой системы, была положена в ос-

нову законодательного творчества Временного правительства²⁷, которому в кратчайшие сроки удалось выработать и предложить обществу конкретную программу преобразований практически всех основных сфер жизни. В-четвертых, несмотря на то что в условиях деструкции 1917 г. либеральная программа преобразований не была реализована в ее полном объеме, тем не менее опыт ее частичной реализации представляется заслуживающим не только исследовательского внимания, но и практического применения в современных условиях очередного исторического витка преобразований в современной России.

²⁷ См. подр.: Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 3 : Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2016. С. 361–413.

Литература

1. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке / А.Н. Медушевский. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
2. Протасов А.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / А.Г. Протасов. М. : РОССПЭН, 1997. 384 с.
3. Протасов А.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи / А.Г. Протасов. М. : РОССПЭН, 2008. 463 с.
4. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915–1920. М., 1998. Т. 3. 590 с.
5. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 3 : Вторая половина XIX — начало XX в. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 765 с.
6. Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности : дис. ... канд. ист. наук / А.Л. Стародубова. М., 2000. 196 с.
7. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1917 гг. Т. 3. Кн. 1. 832 с.
8. Черкесова Н.И. Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия. (Всевыборы). 3 марта 1917 — 1 марта 1918 г. / Н.И. Черкесова. М., 2002. 231 с.
9. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. / В. В. Шелохаев. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.

Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г.

Аронов Дмитрий Владимирович,
заведующий кафедрой истории правовых учений
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
доктор исторических наук, профессор
aronovdv@mail.ru

Кошелева Светлана Витальевна,
старший преподаватель кафедры
иностраных языков в сфере профессиональной коммуникации
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
koshelevasv7osu@mail.ru

В статье проводится анализ точек зрения на сущность типа государственной власти, сложившегося в России после событий февраля 1917 г., предлагается выбор соответствующей методологии исследования — социологического позитивизма. Делается вывод о том, что события февраля — начала марта 1917 г. привели к разрыву в преемственности исторической государственной власти. В этой ситуации, когда Россия перестала быть монархией, источником легитимации нового республиканского строя и его базовых институтов стал народный суверенитет, частичным носителем которого, хотя и ограниченно, был Временный комитет членов Государственной Думы.

Ключевые слова: революция 1917 г., Временный комитет членов Государственной Думы, российский либерализм, история правовых учений России.

Typology of Government Authority in Russia in February – October 1917

Aronov Dmitry V.,
Head of the Department of History of Legal Doctrines
of the Orel State University named after I.S. Turgenev,
Doctor of History, Professor

Kosheleva Svetlana V.,
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages for Specific Purposes
of the Orel State University named after I.S. Turgenev

The article presents an analysis of the views on the nature of state authority that emerged in Russia after the events February 1917, and poses a choice of appropriate research methodology — sociological positivism. It is concluded that the events February — beginning of March 1917 led to the rupture in the historical continuity of state authority. In this situation, when Russia ceased to be a monarchy, a national sovereignty has become a source of legitimation of the new republic form of government and its basic institutions, and the Temporary Committee of the State Duma was the partial albeit limited bearer of that sovereignty.

Key words: the 1917 Revolution, the Temporary Committee of the State Duma, Russian liberalism, the history of Russian legal doctrines.

Одной из характерных черт человеческого восприятия, в том числе и тех, кто принадлежит к научному сообществу, вы-

ступает несвобода от черт обыденного сознания, включающего в себя, в частности, и особое внимание к круглым (юбилейным)

датам. Для нашей страны и российской исторической науки, вне всяких сомнений, это 2017 г., когда имеет место столетний юбилей для целого ряда рубежных событий в основном, как показала последующая история, предопределивших основные векторы развития российской, а во многом и мировой цивилизации.

Вместе с тем подобное внимание вполне можно использовать как хороший повод к тому, чтобы привлечь возможно более широкое внимание к тем событиям, которые, несмотря на вековую историю их изучения и / или осмысления, до сих пор несут в себе весьма богатый потенциал для изучения. Причем это связано не только с изменением идеологической парадигмы, что было присуще нашей исторической и историко-правовой науке после ослабления и последующего краха советской (коммунистической) идеологии середины 1980-х — начала 1990-х гг.

Заметно усиление внимания как к фактологической стороне российской революции (революций?) 1905 г. — февраля / октября 1917 г., в свет выходит ряд фундаментальных¹, в том числе и энциклопедических изданий², не говоря уже о целом корпусе научных статей по самой разнообразной тематике. Рискнем предположить, что и юбилейная кампания не сможет закрыть все белые пятна и дать ответы на многочисленные спорные вопросы истории данного периода. Причем это произойдет не столько в части фактологии событий этого периода, сколько там, где речь идет о формировании сущностной оценки тех или иных событий и явлений. Помимо личностной исследовательской позиции авторов, здесь присутствует и разная критерияльная оценка тех системных изменений, которые произошли в государственном устройстве, политической системе и политическом строе России в 1917 г.

¹ Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

² См., напр.: Реформы России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. М. : РОССПЭН, 2016. Т. 1 : IX–XVII вв. ; Т. 2 : XVIII–XIX вв. ; Т. 3 : Вторая половина XIX — начало XX в. ; Т. 4 : 1917–1991 гг. ; Россия в 1905–1907 гг. : энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М. : Политическая энциклопедия, 2016 ; и др.

В числе этих вопросов все годы дискуссий о сущностных изменениях в государственном строе России были вопросы о природе Основных законов 23 апреля 1906 г., природе российской государственности в последующий думский период ее политической истории, сущность и движущие силы событий февраля 1917 г., типология политического режима февраля — октября 1917 г., месте и роли Учредительного собрания в истории России. Также, как нам представляется, нельзя обходить вниманием пусть не столь масштабные, но не становящиеся от этого менее интересными вопросы о том, кто был последним российским императором, не 5 ли января 1918 г. де-юре завершился переворот, начавшийся событиями 25 октября 1917 г., и ряд других?

В настоящей статье главное внимание будет уделено вопросу о типологии того строя, который де-юре и де-факто возник и начал складываться в России после событий конца февраля 1917 г. Тем более что за длительное время в исторической литературе сложилась своего рода традиция считать, что первым официальным документом Временного правительства в этой сфере была декларация 1 сентября 1917 г., где Россия впервые была поименована республикой. Откуда такое дружное следование крайне упрощенной методологии легизма (юридического позитивизма), понять весьма сложно, поэтому постараемся не только представить альтернативные точки зрения по данной проблематике, но и показать, что еще в 1917 г. существовали вполне фундаментальные попытки ответить на этот вопрос. А ведь вопрос о власти в государстве, который, вспоминая широко известную в свое время цитату, есть коренной вопрос всякой революции³. В данном случае с автором цитаты вполне можно согласиться, ибо в России общая тенденция была обратно западной политической традиции, где власть шла за экономическим могуществом, показывая обратный процесс, когда именно политическая власть формировала экономическое благосостояние ее обладателей⁴.

Однако, возвращаясь к характеристике того строя, который сложился в России после событий 27 февраля — 3 марта 1917 г.,

³ Ленин В.И. О двоевластии // Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 34. С. 200.

⁴ Нуреев Р.М. Послесловие // Политическая экономия сталинизма ; П. Грегори. М., 2006. С. 349.

полагаем необходимым заметить, что на каких бы идеологических позициях ни стояли сторонники различных мнений в оценке значимости для России событий, произошедших в указанный период, все признают, что произошло прекращение в России монархической формы правления. Ее природа по Основным законам 23 апреля 1906 г. — абсолютная или ограниченная (конституционная?) тема отдельной дискуссии и в рамках настоящей статьи не рассматривается. Соответственно, следуя даже законам формальной логики, можно вполне обоснованно предположить, что если Россия — не монархия, то она вряд ли может быть чем-то иным, кроме как республикой. В этом месте в ходе ряда дискуссий на представительских мероприятиях, связанных со столетием событий 1917 г., нам довелось столкнуться с аргументами как стихийных, так и сознательных сторонников крайних форм легизма, как левого, так и правого. Они заключались, соответственно, в следующем. Первые отрицали республиканскую природу государственного строя России периода «третьемартовского» политического режима⁵, опираясь на отсутствие нормативно-правовых актов, содержащих нормы, устанавливающие порядок формирования и функционирования соответствующих органов государственной власти. Вторые полагали так же, как и мы, обращаясь к Аристотелю, точнее к его типологии форм реализации государственной власти, что этот период может быть охарактеризован как период анархии.

Полагаем, что обе позиции имеют весьма существенные недостатки. Первая, полагающая легитимацию исключительно как законотворческий процесс государства, не учитывает, что мы имеем дело с революционным путем возникновения нового типа государства, когда нормотворческая составляющая легитимации нового политического режима и государственного строя *ipso facto* отстает от реального развития событий, когда новые органы власти опираются не на переставшие действовать

в силу изменения социальной реальности нормативные акты, определяющие государственное устройство, а на иные источники таковой (в их качестве могут выступать и народный суверенитет, и массовое насилие, суть не в их природе, а в присущей им общей несвязности на определенном этапе формальными нормами позитивного права).

Что же касается характеристики государственного строя постимперской России марта 1917 г. как анархического, то изучение конкретно-исторической ситуации с формированием новых органов власти, действиями, предпринимаемыми Временным комитетом членов Государственной Думы, начиная с конца февраля 1917 г., по овладению механизмом государственного управления, показывает, что нет никаких оснований к его подобной характеристике. В равной мере это же относится и к деятельности сформированного 2 марта Временного правительства. Строго говоря, как отмечает А.Б. Николаев, были и сформированные до Временного правительства, 27–28 февраля, новые чрезвычайные органы госуправления. Таким образом, полагаем крайне слабо аргументированной точку зрения на госуправление в России после прекращения династического управления как на отсутствующее, де-факто анархическое.

Соответственно, не сможем мы оставить без внимания и вопрос о судьбе императорского престола в России. Тем более это важно в свете известных событий, связанных с расследованием трагической судьбы царской семьи и непрекращающимися попытками создания системы доказательств едва ли не идеального образа правления, сформировавшегося при Николае II, павшего в результате предательства и преступного поведения практически всех иных участников политического процесса. Соответственно, главными актами, определившими ситуацию в части природы государственного строя, были акт от 2 марта «Об отречении Государя императора Николая II от престола Государства Российского и о сложении с себя верховной власти», акт от 3 марта «Об отказе Великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном Собрании образа правления и новых основных законов Государства Российского». Уже в 1917 г. отечественные исследователи

⁵ Термин и концепция предложены А.Б. Николаевым, д.и.н., профессором, завкафедрой русской истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. См.: Николаев А.Б. Государственная дума и Февральская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. // Материалы дискуссии «Таврические чтения-2016».

отмечали, что может показаться, что, судя по названиям, между ними существует принципиальная разница⁶. Эта кажущаяся разница заключалась уже в названиях, если Николай II, по его логике, отрекся от престола от себя и за сына навсегда (степень легитимности отречения Николая II за сына является отдельной дискуссионной темой, не входящей в предмет рассмотрения настоящей статьи). Что же касается Михаила Александровича, то может сложиться, особенно у некритических адептов монархического прошлого (а у многих и будущего) России, ощущение, что он отказался от престола только на время, а именно до созыва Учредительного собрания, которое, как один из вариантов, может поддержать его кандидатуру на российский престол. Соответственно, в период с марта и до созыва Учредительного собрания российский престол остается незамещенным.

Однако данная точка зрения входит в противоречие с вариантами правовой природы занятия Михаилом российского трона в случае поддержки его кандидатуры Учредительным собранием. Таких вариантов в принципе было два. Первый — по праву наследования, второй — по праву избрания. Для того чтобы было реализовано право наследования, как минимум было необходимо сохранение российского трона. Соответствующее положение содержалось в акте от 2 марта, который сохранял в России конституционно-монархическую форму правления, а народному представительству (Учредительному собранию) делегировалась обязанность определиться с принципами взаимодействия монарха с новыми органами государственной власти. Однако акт 3 марта целиком лишает представителей династии власти, передавая ее целиком народу, воля которого будет реализована посредством Учредительного собрания, функции которого, собственно, и должны были состоять в том, чтобы «установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»⁷.

⁶ Боголепов А. Современный государственный строй России // Право. 1917. № 27–28. С. 1066–1076.

⁷ Акт отречения от престола императора Николая II / Сто главных документов российской истории [Электронный ресурс] // URL: <http://док.история.рф>; Акт отречения от престола Михаила Александровича [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/mih2.gif>

Соответственно, Учредительное собрание могло признать Россию как республикой, так и конституционной монархией, призвав на престол как династию Романовых, так и иную династию. В этом случае при сохранении Романовых на престоле народные представители могли остановить свой выбор как на кандидатуре Михаила Александровича, так и на другом представителе династии. В принципе, как отмечали современники, природа Учредительного собрания позволяла ему установить даже дуумвират по типу римских консулов или спартанских царей. Последнее, конечно, лежит вне рамок как реальной политики, так и исторической и ментальной традиции, однако нисколько не противоречит природе народного представительства в период конституирования новой политической системы и типа государственности.

Соответственно, можно говорить о переходе высшей власти к Временному правительству, об этом, в частности, указано в его акте от 8 марта 1917 г. В этой системе монархическая власть полностью отсутствовала. Не было предусмотрено участие династии Романовых ни в работе Учредительного собрания, ни каких-либо особых прав после его завершения. Следовательно, представляется вполне возможным сделать вывод о том, что после отречения Михаила в системе государственного управления Россией монархических элементов не осталось.

Теоретически возможное возвращение представителя династии на трон могло состояться уже не по праву наследования, а по праву избрания. Дополнительным, хотя и весьма формальным, подтверждением прекращения монархической формы правления выступает отсутствие регентства как необходимого условия сохранения преемственности династии по праву наследования.

Следовательно, с установлением 3 марта в России полного народоправства изменилась и форма правления. Власть перешла к коллегиальному органу — Временному правительству, которое по смыслу не обладает такими признаками монархической власти, как наследственность и пожизненность. Оно было сформировано в ходе серии компромиссных соглашений Временного комитета членов Государственной Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Природа этих органов также неоднородна и неоднозначна, однако полагаем, что, несмотря на роспуск IV Думы царским указом на каникулы, куримальную систему формирования депутатского корпуса, отсутствие в Петрограде в период 27 февраля — 3 марта 1917 г. какого-либо типа большинства ее депутатов, вполне можно говорить о том, что Временный комитет членов Государственной Думы объективно был (хотя и весьма ограниченно) носителем народного суверенитета. Соответственно, именно этот орган чрезвычайного управления периода февральской трансформации социального строя, которую можно определить как политическую (но не социальную) революцию, сыграл роль связующего элемента в передаче высшей государственной власти. Несмотря на то что, как справедливо отмечают

исследователи событий февраля — марта 1917 г.⁸, Временное правительство в качестве одного из своих первых мероприятий решало вопрос о лишении ВКЧГД каких бы то ни было полномочий в новой системе государственной власти, оно сыграло свою роль как в качестве органа, обеспечившего преемственность высшей государственной власти, так и органа оперативного управления, сумевшего заполнить вакуум власти и оперативного управления в критические дни системного социально-политического кризиса февраля — марта 1917 г.

⁸ Николаев А.Б. Государственная дума и Февральская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. // Материалы дискуссии «Таврические чтения-2016».

Литература

1. Боголепов А. Современный государственный строй России / А. Боголепов // Право. 1917. № 27–28. С. 1066–1076.
2. Ленин В.И. О двоевластии / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 34. 584 с.
3. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке / А.Н. Медушевский. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
4. Нуреев Р.М. Послесловие / Р.М. Нуреев // Политическая экономия сталинизма ; П. Грегори. М. : РОССПЭН, 2006. 398 с.
5. Реформы России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. М. : РОССПЭН, 2016. Т. 1 : IX–XVII вв. ; Т. 2 : XVIII–XIX вв. ; Т. 3 : Вторая половина XIX — начало XX в. ; Т. 4 : 1917–1991 гг. 374 с.
6. Россия в 1905–1907 гг. : энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М. : Политическая энциклопедия, 2016. М. : РОССПЭН, 2016. 1196 с.

1917 г. как крушение российской государственности: революция глазами современников

Вострикова Влада Владиславовна,
доцент кафедры «Математика, информатика
и общегуманитарные дисциплины»
Орловского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат исторических наук
vostr68@mail.ru

В настоящей статье предпринимается попытка анализа трактовки авторами сборника «Из глубины» революции 1917 г. с позиции ее значения для судьбы Российского государства, дальнейшего его функционирования как субъекта управления общественными процессами. Показано, что мыслители воспринимали события 1917 г. как крушение российской государственности, выразившееся в утрате страной территориальной целостности, упадке экономики, культуры, распаде нации на враждебные социальные группы. В качестве важнейшего фактора, обусловившего революцию 1917 г., признавалась Первая мировая война, однако глубинные причины произошедшего авторы сборника видели в особенностях исторического развития России. Лейтмотивом сборника стала тема исторической ответственности русской интеллигенции за революцию, состоявшей в привнесении в сознание масс социалистической идеологии, способствовавшей разжиганию разрушительных инстинктов. Пути выхода из кризиса, возрождения российской государственности авторы сборника видели в восстановлении духовных традиций.

Ключевые слова: великая русская революция, государство, право, культура, социализм, интеллигенция.

1917 as Disruption of Russian Statehood: Revolution in Eyes of Contemporaries

Vostrikova Vlada V.,
Assistant Professor of the Department of Mathematics,
Computer Science and General Humanitarian Disciplines
of the Orel branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Candidate of Historical Sciences

In this article, an attempt is made to analyze the authors' interpretation of the collection "From the depths" of the 1917 year revolution from the standpoint of its significance for the destiny of the Russian state, its further functioning as a subject of management of social processes. It is shown that the thinkers perceived the events of 1917 year as a collapse of the Russian statehood, expressed in the country's loss of territorial integrity, the decline of the economy, culture, the disintegration of the nation into hostile social groups. As the most important factor that conditioned the revolution of 1917 year, was recognized the First World War, but the authors of the collection saw the deepest reasons for what happened in the historical development of Russia. The leitmotiv of the collection was the topic of the historical responsibility of the Russian intelligentsia for the revolution, which consisted in bringing to the minds of the masses socialist ideology, which contributed to the instigation of destructive instincts. The authors of the collection saw the way out of the crisis, the revival of Russian statehood in the restoration of spiritual traditions.

Key words: the Great Russian revolution, state, law, culture, socialism, intelligentsia.

Оценка исторического события его современниками, даже при стремлении их к беспристрастному анализу, неизбежно име-

ет налет субъективности, особенно если происходящее коренным образом изменяет исторический путь страны и судьбы людей.

Данное утверждение справедливо и в отношении авторов сборника «Из глубины», по горячим следам, в 1918 г., пытавшихся осмыслить революцию 1917 г. Тем не менее и спустя столетие сборник, как средоточие мнений виднейших представителей русской науки, философии, литературы и публицистики, русской общественности и политики, представляет значительный интерес для познания Великой русской революции. Как и предшествующие ему сборники («Проблемы идеализма», «Вехи»), сборник «Из глубины», как это заявлено в подзаголовке, посвящен проблемам русской революции и сквозь ее призму — всей русской истории на протяжении почти десяти столетий, но одновременно он является и опытом критического самопознания видных представителей русской интеллигенции. Такая многослойность сборника позволяет современным исследователям, несмотря на имеющиеся в историографии попытки осмысления его основных идей¹, находить новые ракурсы для анализа событий 1917 г.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа трактовки авторами сборника «Из глубины» революции 1917 г. с позиции ее значения для судьбы Российского государства, дальнейшего его функционирования как субъекта управления общественными процессами.

Следует отметить, что, говоря о русской революции, мыслители имели в виду события февраля — октября 1917 г., завершившиеся приходом к власти большевиков. При этом в ряде статей прослеживается выделение двух фаз в революции: политической (февраль) и социальной (октябрь). «Политическая революция февраля совер-

шилась во имя принципов свободы, равенства и братства», — писал, например, С.А. Аскольдов². «Родина стала истинно свободной для воплощения заветных своих идеалов, лучшие русские люди стали у власти, еще лучшие, более энергичные и пылкие, подгоняли их в осуществлении желанных целей», — вторил ему С.Л. Франк³. «Социальный октябрьский переворот, — указывал С.А. Аскольдов, — произошел исключительно во имя материальных благ и интернационализма, вся суть которого в данный момент сводилась к освобождению от тяжестей войны»⁴.

Революция 1917 г. получила в сборнике резко критическую оценку: «страшная катастрофа», «антинациональное» явление, превратившее страну в «бездыханный труп»⁵, событие «бездарное», «уродливое», все в ней «ворованное, банальное, вульгарное»⁶, «дни и месяцы, полные мучительной тревоги», «беспримерный государственный разгром»⁷, «величайшее потрясение всех нравственных устоев русского народа»⁸, «неслыханное расстройство жизни», которое «грозит самыми ужасными, самыми губительными последствиями»⁹, «национальное банкротство и мировой позор»¹⁰, «ужасная катастрофа нашего национального бытия»¹¹.

Авторы сборника подчеркивали «небывалый радикализм» революции¹², которая «в своем разрушительном действии дошла до конца»¹³, а именно: фактически уничтожено оказалось само государство, распав-

¹ См., напр.: Казанин И.Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград, 2001; Квакин А.В. Сборник «Из глубины» 1918 года и формирование пореволюционной идеологии интеллигенции России [Электронный ресурс] // URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=637749> (дата обращения: 01.08.2017); Колеров М.А., Плотноков Н.С. Интеллигенция и национальная судьба // Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1990; Их же. Примечания // Вехи. Из глубины. М., 1991; Колеров М.А. «Новые Вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918–1944) // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 144–156; Полторацкий Н.П. Сборник «Из глубины» и его значение // Манифесты русского идеализма. Проблемы идеализма. Вехи. Из глубины / сост. и коммент. В.В. Сапова. М., 2009.

² Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 239.

³ Франк С.Л. De profundis // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 480.

⁴ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 239.

⁵ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 250.

⁶ Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 333.

⁷ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 361, 362.

⁸ Котляревский С.А. Оздоровление // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 401.

⁹ Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 433–434.

¹⁰ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 459.

¹¹ Франк С.Л. Указ. соч. С. 495.

¹² Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 250.

¹³ Струве П.Б. Указ. соч. С. 476.

шееся «на „самоопределившиеся“ территориальные куски»¹⁴, «лишенное доступа к морю... пшеничных житниц»¹⁵. Внешний, территориальный, распад государства сопровождался разложением его внутренней структуры: были утрачены все основополагающие элементы государственной организации: «оборона — армия и флот... административный, производительный и транспортный аппарат и т.д., — словом, все, без чего... не может жить ни один народ»¹⁶. Метафорично описал ситуацию С.Л. Франк: «Мы очнулись у разбитого корыта, хуже того, без всякого корыта и даже без старой, покосившейся, но все же родной избы»¹⁷.

Особую тревогу у участников сборника вызывало уничтожение большевиками старой системы права, осуществленное под лозунгом «отрицания „буржуазного права“»¹⁸. Большевики, отмечал А.С. Изгоев, отказались от принципа всеобщего избирательного права, основанного «на признании политического равенства людей», а между тем, предостерегал он, «стоит по каким бы то ни было основаниям, классовым или национальным, пошатнуть начало этого равенства, и рухнет все политическое здание», что и произошло в России¹⁹. «Отринув право в политике, большевики упразднили его и в повседневной жизни, разрушив суды, заменив положительный закон „революционным сознанием“ и т.д.»²⁰. Все это привело, по мнению А.С. Изгоева, к «разбою и господству грубой физической силы», к применению самых жестоких видов наказания, «расправ без суда и разбирательства». В свою очередь это самым негативным образом сказалось на экономике: «В странах, где не обеспечен правопорядок, нет правосудия и отсутствует общественная безопасность, замирает предприимчивость»²¹.

Итогом революции 1917 г., с точки зрения авторов сборника, стало разрушение важнейшей сферы общественной жизни —

многовековой российской культуры, основу которой составляло православие. Осмеяние, уничтожение религии, по их убеждению, привело к небывалому падению нравственности, насаждению «чудовищного культа своеволия и классовой ненависти»²². «Освобожденный от религии человек, — указывал А.С. Изгоев, — семимильными шагами пошел... к временам пещерного быта и звериных нравов»²³. «Глубокий духовный кризис», — такова характеристика постреволюционной ситуации П.И. Новгородцевым²⁴.

Негативные тенденции мыслители отмечали и в социальной сфере: на «„самоопределяющиеся“ социальные классы» распалась нация²⁵. «Революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части, — констатировал П.И. Новгородцев. — Родина... изнемогает в междоусобных распрах»²⁶.

Поиск аналогий свершившегося в России в 1917 г. в мировой истории привел авторов сборника к выводу о том, что по своему масштабу русская революция значительно превосходит потрясения, имевшие место в других странах, включая и Великую французскую революцию²⁷. С.Л. Франк «в качестве единственно подходящих» исторических примеров видел «грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств»²⁸.

Обращаясь к российской истории, авторы сборника отмечали, что «только самые черные дни» прошлого могут сравниться с происходящим²⁹. В качестве таковых некоторые видели Смутное время начала XVII в.: например, Новгородцев называл события 1917 г. «великой смутой наших дней»³⁰. По С.Л. Франку, все обстояло еще критичнее: «Даже в Смутное время разложение страны не было... столь всеобщим, потеря

¹⁴ Покровский И.А. Перуново заклатье // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 456.

¹⁵ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 361.

¹⁶ Покровский И.А. Указ. соч. С. 456.

¹⁷ Франк С.Л. Указ. соч. С. 480.

¹⁸ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 375.

¹⁹ Там же. С. 374.

²⁰ Там же. С. 375.

²¹ Там же.

²² Котляревский С.А. Указ. соч. С. 401.

²³ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 369.

²⁴ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 435.

²⁵ Покровский И.А. Указ. соч. С. 456.

²⁶ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 433.

²⁷ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 225.

²⁸ Франк С.Л. Указ. соч. С. 478.

²⁹ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 434.

³⁰ Там же. С. 433.

национально-государственной воли столь безнадежной»³¹.

В сборнике «Из глубины» проводилась идея имманентной связи событий 1917 г. и 1905–1907 гг. Революция 1905 г. трактовалась как «первое предостережение», обозначившее контуры грядущей «моральной и политической катастрофы», разразившейся в 1917 г.³² «Немногие поняли тогда грозный для государства смысл открывшихся предзнаменований, — с сожалением констатировал А.С. Изгоев. — Нынче нас постиг второй удар, неизмеримо более сильный сравнительно с первым»³³.

Для авторов сборника осознание гибельности результатов революции 1917 г. усугублялось тем, что все произошедшее было «не убийством», но «самоубийством для русской государственности», т. е. стало итогом внутреннего развития, а не какого-либо внешнего вмешательства³⁴. Анализ причин этого «самоубийства» предлагали практически все мыслители, так что данная проблематика может считаться лейтмотивом сборника «Из глубины».

Одной из точек соприкосновения позиций авторов сборника является признание Первой мировой войны в качестве важнейшего фактора, обусловившего революцию 1917 г. Война составляет «с русской революцией одно неразрывное целое», — утверждал С.А. Аскольдов. Она расшатала «все привычные навыки и формы русского сознания и русской государственности... сняла народ с его насиженных мест и сделала его более доступным революционным влияниям, главным же образом изменила традиционный дух и настроение армии»³⁵. Война усугубила «кризис русской жизни», — отмечал В.Н. Муравьев³⁶. «Большевизм... есть прямое наследие и продолжение войны, ее гниение, перешедшее вовнутрь», — писал С.Н. Булгаков³⁷.

Однако мыслители понимали, что война выступила своеобразным катализатором

революции, назревавшей достаточно длительное время. «Горячий материал может быть подготовлен и, так сказать, соблазнительно лежать, готовый загореться от первой искры, случайно заброшенной», — указывал С.А. Аскольдов³⁸. К революциям ведет «долгий исторический путь... в них открываются национальные особенности», — писал Н.А. Бердяев³⁹.

Анализируя особенности исторического развития России, П.Б. Струве указывал, что характерной чертой ее политической жизни было «близоруко-ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии» и отстранение от участия в политике дворянства, являвшегося творцом русской культуры и самой нации⁴⁰. «Систематически отказывая сперва этому классу, а потом развившейся на его стволе интеллигенции во властном участии в деле устройства и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства», которое с середины XIX в. получило «идейное оформление благодаря восприятию русской интеллигенцией идей западноевропейского радикализма и социализма», — указывал мыслитель⁴¹. Эти идеи интеллигенция понесла в народ, гражданское бесправие которого стало благоприятной почвой для их распространения. Так «подготавливалась и творилась революция с двух концов», — заключал П.Б. Струве, — исторической монархией с ее ревнивым недопущением культурных и образованных элементов к властному участию в устройении государства, и интеллигенцией страны с ее близорукой борьбой против государства»⁴².

Тема исторической ответственности интеллигенции за русскую революцию звучала не только у П.Б. Струве, но практически во всех статьях сборника «Из глубины», продолжая традицию сборника «Вехи». Это обуславливалось трактовкой мыслителями движущих сил политического процесса, согласно которой «инициатором

³¹ Франк С.Л. Указ. соч. С. 478.

³² Изгоев А.С. Указ. соч. С. 361; Струве П.Б. Предисловие издателя // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 209.

³³ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 361.

³⁴ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 303; Франк С.Л. Указ. соч. С. 478.

³⁵ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 210, 230.

³⁶ Муравьев В.Н. Рев племени // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 414.

³⁷ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 301.

³⁸ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 236.

³⁹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 250.

⁴⁰ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи... С. 462.

⁴¹ Там же. С. 462, 464.

⁴² Там же. С. 467.

и творцом политической жизни» является активное меньшинство⁴³. По этой причине С.Л. Франк, например, категорически отвергал попытки возложить всю ответственность за гибельный исход революции 1917 г. на народные массы. «Народ в смысле низших классов или вообще толщи населения никогда не может быть непосредственным виновником политических неудач и гибельного исхода политического движения по той простой причине, что ни при каком общественном порядке, ни при каких общественных условиях народ в этом смысле не является инициатором и творцом политической жизни, — писал С.Л. Франк. — Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства»⁴⁴. Однако, уточнял мыслитель, это не слепое орудие: «...от культурного, умственного и нравственного состояния широких народных масс зависит, какая политическая организация, какие политические идеи и способы действий окажутся наиболее влиятельными и могущественными»⁴⁵. Таким образом, заключал С.Л. Франк, «политический итог всегда... определен *взаимодействием* (курсив мой. — **В.В.**) между содержанием и уровнем общественного сознания масс и направлением идей руководящего меньшинства»⁴⁶.

Применяя эту формулу к событиям в России 1917 г., философ указывал, что «в народных массах в силу исторических причин накопился... значительный запас... противогосударственных и социально-разрушительных страстей... но... в начале революции... в тех же массах были живы и... силы патриотического, консервативного, духовно-здорового, национально-объединяющего направления». Однако революционная интеллигенция, используя лозунги классовой ненависти и антипатриотического интернационализма, вела упорную работу по разнузданию анархических инстинктов, сделала все, чтобы народ «окончательно потерял совесть и здравый государственный смысл»⁴⁷. Интеллигенция, по мнению

С.Л. Франка, повинна в том, что, не понимая реального нравственного и политического уровня народа, предлагала ему чуждую и имеющую прямо антинациональный и антигосударственный характер социалистическую идеологию⁴⁸.

Сходные интенции относительно степени виновности интеллигенции и народа в катастрофе 1917 г. звучат в других статьях сборника «Из глубины». В.Н. Муравьев: интеллигенция своей проповедью социализма «дала освящение низменным влечениям народа», «революция произошла тогда, когда народ пошел за интеллигенцией»⁴⁹. П.Б. Струве: «Явление русской революции объясняется совпадением того извращенного идейного воспитания русской интеллигенции, которое она получала в течение почти всего XIX века, с воздействием великой мировой войны на народные массы: война поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей»⁵⁰. С.Н. Булгаков: «Интеллигенция отравила... народ своим нигилизмом и погубила Россию»⁵¹.

Обвиняя интеллигенцию, авторы сборника имели в виду, прежде всего, приверженцев социалистических идей, начиная от народников и заканчивая марксистами, категорически возражая против попыток возложить ответственность за крушение российской государственности только на большевиков. «Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков, — писал А.С. Изгоев. — Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие»⁵². С.Л. Франк, расширяя круг ответственных за катастрофу, произошедшую с Россией, включал в него и представителей либеральной интеллигенции, считая их «культурными и государственно-просвещенными социалистами», «полусоциалистами», усматривающими «идеал в половине (курсив мой. — **В.В.**) отрицатель-

⁴³ Франк С.Л. Указ. соч. С. 481.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 482–483.

⁴⁸ Там же. С. 484–485.

⁴⁹ Муравьев В.Н. Указ. соч. С. 414.

⁵⁰ Струве П.Б. Указ. соч. С. 461.

⁵¹ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 327 ; Покровский И.А. Указ. соч. С. 451.

⁵² Изгоев А.С. Указ. соч. С. 362.

ной программы социализма, но несогласными на полное его осуществление»⁵³.

При наличии нюансов в оценке соотношения созидательного и разрушительного потенциала социализма авторы сборника единодушно подчеркивали, что «разрушительность» его обусловлена «материализмом — отрицанием... единственных подлинно зиждательных и объединяющих сил общественности — именно органических внутренне-духовных сил общественного бытия»⁵⁴. Как указывал И.А. Покровский, «правовая и государственная организация создается... коллективно, соборно в широком смысле слова, психической деятельностью народа»⁵⁵.

Убеждение в основополагающей роли духовного фактора в жизни государства заставляло авторов сборника искать глубинные причины революционных потрясений в России 1917 г. именно в духовной сфере. Революция, отмечал С.А. Аскольдов, «непременно» имеет «под собою определенную идеологическую основу... Она обусловлена всегда известной культурной обработкой ума и воли и потому имеет характер специфически гуманитарный...»⁵⁶ «Каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом», — писал Н.А. Бердяев⁵⁷.

По глубокому убеждению авторов сборника, ключевым индикатором состояния общества, а значит и государства, выступает отношение к религии. Для П.И. Новгородцева религия — «высшая основа и святость жизни»⁵⁸. «Религия всегда являлась силою, связующей государство со стороны его органического единства, в какой бы политической форме оно ни выражалось, — указывал С.А. Аскольдов. — И потому-то всякое революционное движение обыкновенно имеет перед собою в качестве подготовительной фазы тот или иной процесс увядания религии, иногда своего рода „век просвещения“», «революции подготовляются и наступают обыкновенно на почве ослабления религиозного сознания»⁵⁹. Имен-

но это и произошло в России под влиянием воспринятых из Западной Европы «позитивизма, материализма, социализма», а также анархизма, который «в значительной мере является прямым созданием русского духа»⁶⁰.

В интерпретации С.А. Аскольдова, проникновение в сознание народа этих идей привело к нарушению равновесия двух основных начал русской души: «святого» и «звериного» в пользу последнего. Православная церковь не только не противостояла этой тенденции, но сама оказалась «тем средоточием... откуда распространилось расслабление и упадок религиозного духа»⁶¹. Причиной этого стало «глубочайшее падение» православной церкви, утрата ей духовного авторитета ввиду исполнения роли политической прислужницы все больше терявшего популярность в массах самодержавия⁶². «Злой зверь, живший в народной душе», «восстал во весь рост» в октябрьской революции⁶³.

П.И. Новгородцев писал о «безрелигиозном отщепенстве» интеллигенции от государства, которое она внедряла в сознание масс⁶⁴. Н.А. Бердяев истоки революции видел в менталитете русского народа, в его глубокой «духовной болезни», формы проявления которой отражены в творчестве Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Именно в их произведениях, настаивал философ, нужно искать понимания «духов» («бесов»), владеющих революцией, а значит, и «разгадки тех бедствий и несчастий», которые она принесла⁶⁵. С.Л. Франк пришел к заключению, что первопричина революции — в общей слабости в России духовных начал, охраняющих и укрепляющих общественную культуру и государственное единство нации⁶⁶.

Крайне негативным элементом русского менталитета, чрезвычайно усилившим разрушительный потенциал революции 1917 г., авторы сборника считали правовой нигилизм. У представителей интеллигенции, отмечал И.А. Покровский, он проистекал

⁵³ Франк С.Л. Указ. соч. С. 488.

⁵⁴ Там же. С. 487.

⁵⁵ Покровский И.А. Указ. соч. С. 456.

⁵⁶ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 229.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 250.

⁵⁸ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 428.

⁵⁹ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 213.

⁶⁰ Франк С.Л. Указ. соч. С. 494.

⁶¹ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 230.

⁶² Там же. С. 231–232.

⁶³ Там же. С. 239.

⁶⁴ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 428.

⁶⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 252.

⁶⁶ См. подр.: Франк С.Л. Указ. соч. С. 488–492.

из причин двоякого рода. У одних — отрицание не просто права, но «самой *идеи* (так в тексте. — **В.В.**) права», было следствием поиска «абсолютной правды», с которой никоим образом право не коррелировалось как институт, связанный с властью и принуждением, для других, включая большевиков, право не имело самостоятельной ценности, являло собой только «идеологическую надстройку», а на первом месте стояли классовые интересы пролетариата и крестьянства, во имя которых допускалось попрание любых правовых норм⁶⁷.

Анализ агонии «некогда могучей русской государственности и культуры после бешеной пляски революционных привидений», выявление «подлинно-реальных духовных причин» произошедшего были для авторов сборника необходимым исходным условием для поиска путей возрождения России, в которое они свято верили, по словам С.А. Франка, «*обязаны верить*»⁶⁸. Философ был убежден, что при всей глубине и тяжести переживаемой Россией национальной болезни эта болезнь «есть все же лишь функциональное расстройство, а не органическое омертвление»⁶⁹. «Кошмар пока растет и ширится, но неизбежно должен наступить поворот», — предрекал И.А. Покровский⁷⁰. Однако процесс восстановления государственности, возрождения страны будет трудным и длительным. «Велик грех, велико должно быть и искупление, — писал И.А. Покровский. — За месяцами греха должны последовать долгие десятилетия покаяния и трудной работы для воссоздания рассыпавшегося отечества»⁷¹.

Авторы сборника считали, что «программа духовного, культурного и политического возрождения России» должна опираться «на идейное воспитание и перевоспитание образованных людей и народных масс»⁷². И здесь интеллигенция должна показать пример: «...честно и тщательно пересмотреть свой собственный идейный багаж», отринуть ложные идеалы и, прежде всего, идеал социализма⁷³.

Как указывал И.А. Покровский, для восстановления государственности основополагающее значение имеет изменение в сознании интеллигенции и масс отношения к *идее права*, а именно: осознание универсальности права как регулятора общественной жизни. «Ведь всякое общежитие есть непременно сотрудничество, а всякое сотрудничество предполагает известное упорядоченное приложение сил и организацию», — пояснял И.А. Покровский⁷⁴. Кроме того, сущностной чертой мировоззрения населения должно стать уважение к праву, осознание обязательности соблюдения правовых норм. Как указывал И.А. Покровский, «недовольство существующим порядком нисколько не оправдывает небрежения к праву вообще: если нынешние оценки правого и неправого ошибочны, то тем необходимее разработка и выяснение новых, верных»⁷⁵. И, наконец, нужно отрешиться от восприятия права как института, связанного с насилием, осознать, что тенденцией развития права является гуманизация правовых санкций, в соответствии с которой «право стремится стать таким порядком, которому будут следовать не в силу боязни наказания, а просто в силу сознания его необходимости и разумности»⁷⁶.

По убеждению авторов сборника, необходимо восстановить «святые религиозные, государственные и национальные... в общем значении руководящих объективных начал, пред которыми преклоняется индивидуальное сознание, которые оно признает господствующими»⁷⁷. «Возвести русскую государственную идею на ту высоту, которая представляет сочетание твердых национально-государственных и религиозных основ с идеями равенства и свободы»⁷⁸.

Думается, что предложенная авторами сборника формула «творческого воссоздания»⁷⁹ Российского государства обозначает базовые ориентиры для современной России, находящейся в поиске своего исторического пути после смены парадигмы развития на рубеже XX–XXI в.

⁶⁷ См. подр.: Покровский И.А. Указ. соч. С. 445–449.

⁶⁸ Франк С.А. Указ. соч. С. 479.

⁶⁹ Там же. С. 496.

⁷⁰ Покровский И.А. Указ. соч. С. 457.

⁷¹ Там же. С. 451.

⁷² Струве П.Б. Указ. соч. С. 477.

⁷³ Покровский И.А. Указ. соч. С. 452; Струве П.Б. Указ. соч. С. 475.

⁷⁴ Покровский И.А. Указ. соч. С. 455.

⁷⁵ Там же. С. 453.

⁷⁶ Там же. С. 455.

⁷⁷ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 437.

⁷⁸ Там же. С. 438.

⁷⁹ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 401.

Не могут не заставлять задуматься сегодня слова П.И. Новгородцева о необходимости отказа в государственном строительстве от «рационалистического утопизма» — «стремления устроить жизнь по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от животворящих святынь народного бытия», иными словами, без учета исторических традиций страны и особенностей национального характера⁸⁰. Несомненно, актуально в ракурсе становления новой российской государственности звучит призыв мыслителей к тому, что правовые нормы должны стать основой общежития, заме-

⁸⁰ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 428.

нив собой «перуново начало», столетиями преобладавшее в России, а также мысль о надысторической ценности культуры как основы общественного бытия. Справедливы и современны мысли авторов сборника «Из глубины» об органичной взаимосвязи всех сфер общественной жизни, о механизме функционирования государства.

В год столетнего юбилея русской революции 1917 г. сборник «Из глубины» помогает нам переосмыслить сам феномен революции как грозного симптома болезни государственного организма⁸¹, требующего концентрации усилий власти и общества по ее преодолению.

⁸¹ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 210–212, 223–224.

Литература

1. Из глубины : сб. ст. о русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
2. Казанин И.Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие / И.Е. Казанин. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 264 с.
3. Квакин А.В. Сборник «Из глубины» 1918 года и формирование пореволюционной идеологии интеллигенции России / А.В. Квакин [Электронный ресурс] // URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=637749> (дата обращения: 01.08.2017).
4. Колеров М.А. Интеллигенция и национальная судьба / М.А. Колеров, Н.С. Плотников // Из глубины : сб. ст. о русской революции. М., 1990.
5. Колеров М.А. Примечания / М.А. Колеров, Н.С. Плотников // Вехи. Из глубины. М., 1991.
6. Колеров М.А. «Новые Вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918–1944) / М.А. Колеров // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 144–156.
7. Полторацкий Н.П. Сборник «Из глубины» и его значение / Н.П. Полторацкий // Манифесты русского идеализма. Проблемы идеализма. Вехи. Из глубины ; сост. и коммент. В.В. Сапова. М., 2009. 1073 с.

Российский либерализм и Учредительное собрание

*Журавлев Валерий Васильевич,
заведующий кафедрой новейшей истории России
Московского государственного областного университета,
главный специалист Центра документальных публикаций
Российского государственного архива
социально-политической истории,
доктор исторических наук, профессор
vv.zhuravlev@mgou.ru*

В статье рассматривается история Учредительного собрания в контексте изменений государственного строя России после февраля 1917 г., как возможной реализации демократической альтернативы развития революционного процесса 1917 г. Дана характеристика отношения основной либеральной партии России, кадетов, к идее Учредительного собрания, основным правовым институтам, определяющим порядок его выборов, функционирования, полномочия. Прослеживается реакция российского общества на созыв и роспуск Учредительного собрания.

Ключевые слова: революция 1917 г., Учредительное собрание, российский либерализм, государственный строй России.

Russian Liberalism and Constituent Assembly

*Zhuravlev Valery V.,
Head of the Department of Contemporary History of Russia
of the Moscow Region State University,
Chief Specialist of the Centre for Documentary Publications
of the Russian State Archive of Socio-Political History,
Doctor of History, Professor*

The article deals with the history of the Constituent Assembly in the context of changes in the state structure of Russia after February 1917 as a possible implementation of a democratic alternative to the revolutionary process of 1917. This article presents the attitude of the main liberal party in the Russian Empire, the Constitutional Democratic Party (the Kadets), to the Constituent Assembly, the main legal institutions determining the procedure of its election, functioning, and powers. It is spoken about the response of Russian society to the convocation and dissolution of the Constituent Assembly.

Key words: the 1917 Revolution, the All-Russian Constituent Assembly, Russian liberalism, Russian system of government.

Исторический опыт, накопленный страной и миром на протяжении XX столетия, заставляет менять акценты в видении ряда важнейших событий прошлого. Сегодня очевидно, что своей кульминации (с точки зрения судьбы демократической альтернативы в России и стратегических перспектив российской модернизации) политические процессы достигли не в октябре, а в ноябре 1917 г. Этим событием, которое на десятилетия заслонило от нас тень Октябрьского вооруженного восстания и его последствия, были выборы в Учредительное собрание 12 ноября.

Осуществленные на основе самой эффективной и демократичной по тем временам пропорциональной (смешанной) системы, сочетавшей выдвижение кандидатов от территориальных округов (68 тыловых и 7 фронтных) с голосованием по партийным спискам, выборы эти вовлекли в избирательный процесс почти 50 млн человек (впервые включая и женщин). Все они получили возможность выразить свою волю в соответствии с демократическими принципами всеобщих, прямых, равных выборов при соблюдении тайны голосования.

Реализовавшая себя в разгар мировой войны, это была электоральная и социально-политическая инновация (по современной терминологии) мирового масштаба и значения. В чем правомерно усматривать, хотя и непростительно запоздавшее, но главное итоговое достижение Временного правительства в серии его попыток преодоления разброда в обществе демократическими методами.

Оценивая истоки такого электорально-энтусиазма российских граждан, М. Горький писал: «Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания»¹. Добавим, что пришли они к избирательным урнам уже достаточно политически подкованными. За месяцы, прошедшие с февральских событий, Россия, по крылатой оценке другого писателя и современника данных событий, К.Г. Паустовского, «выговорила все, о чем молчала целые столетия»². И не только выговорила, но так или иначе определилась в сложной парадигме отдельных социальных сил со своими политическими предпочтениями, в ткани которых парадоксальным образом сочетались сиюминутный социальный расчет и рационализм с размытыми и утопическими представлениями и надеждами относительно будущего российской цивилизации. Именно *цивилизации*. Ибо в 1917 г. страна как раз и подошла к исторической развилке (точке бифуркации) цивилизационного уровня и значимости. Вопрос состоял лишь в том, в каких социально-политических формах этот назревший — и перезревший — исторический запрос эпохи найдет свое реальное воплощение.

О чем свидетельствовали представления и надежды ведущих на тот момент социальных сил российского общества?

Ответ на этот вопрос дают нам итоги выборов, скрупулезно и всесторонне подсчитанные и оцененные профессором А.Г. Протасовым.

Результаты выборов для измученной войной и социальными катаклизмами страны оказались знаменательными, знаковыми именно для тогдашней России с ее исконным крестьянским традиционализмом, лишь частично, с правого крыла, затронутым буржуазным либерализмом, и довольно значительно, с левого края, — революционным

радикализмом. Будущее страны на путях стабильной модернизации во многом зависело от того, смогут ли в конечном счете наиболее влиятельные общественные силы и представляющие их политические партии найти базу компромисса в рамках идей социальной справедливости в их как крестьянском, мелкобуржуазном, так и в пролетарском вариантах.

Выборы 12 ноября подвели под указанную альтернативу мощную базу массового волеизъявления. В итоге своем указанные политические предпочтения и социальные упования в подавляющей массе их выразителей свидетельствовали о призрачности надежд крайне правых на реставрацию самодержавного строя (монархисты собрали 300 тыс. голосов избирателей, или 0,6 %) и бесперспективности самого рационального и взвешенного, но запоздавшего на полвека либерального варианта эволюционного переустройства страны (кадеты получили 2,2 млн голосов, или 4,5 %). В массе же своей избиратели вручили свою судьбу и судьбу страны тем политикам, которые звали их к социализму «без берегов» в его национально окрашенной как крестьянской, так и пролетарской интерпретации: 19,1 млн человек (39,5 %) проголосовали за эсеров; 10,9 млн (22,5 %) — за большевиков; 1,5 млн (3,2 %) — за меньшевиков; 439 тыс. (0,9 %) — за народных социалистов. Еще 7 млн голосов (14,5 %) собрали разнородные национальные партии неонационалистического и социалистического толка³.

Именно итоги выборов 12 ноября, а не Октябрьское вооруженное восстание с позиций последующего исторического опыта представляются сегодня «моментом истины» в плане выявления возможностей реализации демократической альтернативы развития революционного процесса 1917 г.

Нравится ли это сегодня нам или не нравится, но к осени 1917 г. путь России к радикальному социальному эксперименту *цивилизационного* масштаба и значения был и объективно, и субъективно неизбежным. Страна была обречена на этот эксперимент. Более 39 млн россиян, т.е. 80,6 % принявших участие в голосовании, в совокупности своей однозначно высказались за демократическое, на базе многопартийности, будущее страны в русле так или иначе понимаемого принципа

¹ Новая жизнь. 1918. 9 янв.; Протасов А.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 22.

² Паустовский К.Г. Собрание сочинений. М., 1968. Т. 4. С. 515.

³ Протасов А.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164; Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / авт.-сост. А.Г. Протасов. М., 2014. 555 с.

социальной справедливости. Это был именно вердикт народа, который не только давал права лидирующим партиям, но и накладывал на них определенные обязательства. Однако вердикта этого претенденты на звание демократов предпочли «не заметить».

Уже тогда впервые проявилось то, что в конце XX столетия продолжало составлять характерную приметку политического ландшафта страны: соискатели титула демократов предпочитают видеть в демократии не изначальную ее суть как власти народа, а строй, именно им, «демократам», дающий якобы право на то, чтобы самолично решать за народ его проблемы и судьбы. Достаточно вспомнить в этой связи судьбу всенародного референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР.

За месяц до октябрьских событий В.И. Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками... сделал бы гражданскую войну невозможной»⁴.

Разогнав в ночь с 5 на 6 января 1918 г. Учредительное собрание, силой подавив выступления в его поддержку, большевики делом показали, что «абсолютно бесспорный» урок революции оказался преданным ими забвению. Они внесли свою, на том этапе решающую лепту в погребение российской демократии.

Концепция Учредительного собрания, основанная в первую очередь на идеях французского Просвещения, была впервые реализована в ходе Великой Французской революции 1789–1791 гг. В России она была подхвачена уже декабристами («Конституция» Никиты Муравьева) и широко дискутировалась на всех «этажах» как либерального, так и революционного движения XIX — начала XX столетия. Как это ни парадоксально, но первыми лозунг Учредительного собрания внесли в свою программу социал-демократы на II съезде РСДРП (Лондон, 1903 г.), выдвинув требование «низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, избираемого всем народом»⁵. В Программу Партии социалистов-революционеров (Финляндия, 1906 г.) был включен аналогичный пункт. Свое видение революционного пере-

устройства общества партия намеревалась «как отстаивать в Учредительном собрании, так и стремиться проводить в революционный период»⁶.

Широкое распространение указанный лозунг получил в программных документах целого ряда национальных и региональных партий Российской империи социал-демократического и неонароднического толка (Бунда, «Поалей Цион», Латышской социал-демократической рабочей партии, Украинской рабочей партии и др.).

Путь Партии народной свободы, как лидера либерального движения в стране, к признанию идеи Учредительного собрания и к активному участию в подготовке и осуществлении этой идеи не был простым и однозначным.

В первоначальном тексте Программы конституционно-демократической партии, утвержденном ее Учредительным съездом, проходившем 12–18 октября 1905 г., т. е. практически синхронно с подготовкой и обнародованием Манифеста 17 октября, п. 13 был сформулирован весьма осмотрительно: «Конституционное устройство русского государства определяется основным законом»⁷. Развернувшаяся в стране кампания по выборам в Первую Государственную Думу заставила делегатов II партийного съезда (январь 1906 г.) прояснить и конкретизировать упомянутую формулировку: «Россия должна быть конституционной парламентской монархией. Государственное устройство России определяется Основным законом»⁸. Это означало, что именно в укреплении позиций и расширении полномочий Государственной Думы кадеты видели «столбовую дорожку» к утверждению парламентской демократии в стране по типу конституционной монархии английского типа.

Реалии Февральской революции заставили кадетов достаточно оперативно вернуться к вопросу о типе будущего государственного устройства страны. Уже 10 марта 1917 г. было созвано заседание ЦК партии Пленарного состава с присутствием на нем членов парламентской фракции, членов партии из Государственного совета и прежних составов Государственной Думы. К обсуждению вопроса о форме правления в России решено

⁶ Там же. С. 146.

⁷ Там же. С. 328.

⁸ Конституционно-демократическая партия. Постановление II-го съезда 2–11 января 1906 г. и программа. СПб., 1906. С. 1–8.

⁴ Ленин В.И. ПСС. М.: Политиздат, 1969. Т. 34. С. 222.

⁵ Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. М., 1995. С. 50.

было приступить, руководствуясь строго демократической процедурой, а именно: вначале проанализировать аргументы в пользу сохранения парламентской монархии и доводы против республики, а затем уже привести доказательства необходимости республиканской формы правления.

Итоги дискуссии, как свидетельствует протокол заседания, были однозначными: «По существу в пользу монархии не высказался никто»⁹. При этом было подчеркнуто, что с момента создания в 1905 г. Партии народной свободы принципиальных приверженцев монархии в ее рядах не было. Программное требование конституционной монархии «было принято лишь по соображениям целесообразности этого строя именно в данный момент и невозможности при уровне политического развития масс строя республиканского». К тому же кадеты «надеялись», что «грань между республикой и конституционной монархией удастся свести до минимума, как в Англии, где король царствует, но не правит»¹⁰.

События революционного Февраля убедили кадетов не только в нецелесообразности сохранения требования конституционной монархии, но и в его принципиальной невозможности: «Если раньше боялись, что путь к республике ведет через море крови, то теперь можно думать, что к морю крови вели бы попытки реставрации»¹¹. Исходя из этого заседание ЦК Пленарного состава 10–13 марта принимает решение предложить намечаемому съезду партии «изменить параграф 13 программы партии в том смысле, чтобы вместо парламентской монархии признать необходимость установления демократической республики»¹².

Неотложность такого рода перемен диктовалась тем, что революция фактически возвела партию в ранг правящей: в ночь на 2 марта совместным решением Временного комитета Государственной Думы и делегации Исполкома Петроградского совета было образовано Временное правительство, ключевые позиции в котором принадлежали кадетам. Среди первоочередных его задач, согласно декларации учредителей, значилась немедленная подготовка к созыву Учреди-

тельного собрания, которое должно было установить форму правления и принять Конституцию страны.

Выдвигая лозунг демократической республики, кадеты не были бы кадетами, не выразив одновременно «готовность подчиниться решению У[чредительного] С[обрания] в случае, если бы большинство высказалось за монархию»¹³.

Стремление взять ситуацию под свой полный контроль подвигло участников упомянутого заседания ЦК образовать специальную комиссию в составе М.М. Винавера, Ф.Ф. Кокошкина и П.П. Гронского «для разработки вопросов, связанных с созывом и предстоящей деятельностью Учредительного Собрания, предоставив комиссии право кооптации»¹⁴.

С докладом «Об Учредительном собрании» на VII съезде партии конституционных демократов (25–27 марта) выступил Ф.Ф. Кокошкин, выразив надежду, что это будет «историческое собрание, которое, может быть, на столетие вперед определит путь нашего дальнейшего политического развития»¹⁵.

Принятая 25 марта резолюция Съезда «По вопросу об Учредительном Собрании» гласила:

«1. Учредительное Собрание должно быть создано в возможно кратчайший срок, но с соблюдением всех гарантий, необходимых для того, чтобы выборы могли правильно выразить народную волю.

2. Так как Учредительное Собрание будет обладать всей полнотой власти, то определение его компетенции и продолжительности его деятельности будет зависеть от него самого. Но нужно признать желательным, чтобы, по выполнении своих задач, заключающихся в установлении конституции России и в разрешении тех неотложных государственных вопросов, которые станут на очередь ко времени созыва Учредительного Собрания, оно возможно скорее уступило место установленному им законодательному порядку.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 403.

Отмечая сегодня вековой юбилей, отделяющий нас от описываемых событий, нельзя не заметить, насколько опрометчивыми могут быть любые прогнозы в масштабе столетия. Даже если они исходят от незаурядных политиков.

⁹ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 3: 1915–1920 гг. М., 1998. С. 359.

¹⁰ Там же. С. 350–360.

¹¹ Там же. С. 360.

¹² Там же. С. 361.

3. На время деятельности Учредительного Собрания исполнительная власть должна быть организована по принципу ответственного перед Учредительным Собранием министерства»¹⁶.

Об активности конституционных демократов в деле реализации феномена Учредительного собрания свидетельствуют многие факты. Именно либералами-правоведами были впервые озвучены основополагающие юридические принципы и разработаны организационные основы подготовки и проведения выборов. На VII и VIII съездах Партии народной свободы, т. е. в период с марта по май включительно¹⁷, ставилась и обсуждалась проблема использования при выборах пропорциональной системы как «наиболее совершенной», что было подтверждено затем «Положением о выборах в Учредительное собрание», была четко сформулирована его цель — принятие Конституции, основанной на принципах правового государства. Именно либералами было предложено оптимальное число депутатов учредительного форума (не более 800 человек).

При этом кадеты оставались верными традиционной для себя политике «непредрешенчества» в вопросе об определении возрастного ценза избирателей и даже в выборе места проведения заседаний будущего форума. Тем не менее именно развернувшаяся на VII съезде партии дискуссия о возрастном цензе для избирателей (оставить ли прежний гражданский возраст в 21 год или понизить его до 18 лет) определила принцип дифференцированного подхода к данной проблеме, закрепленный в «Положении о выборах...». Будучи одинаковым для активного и пассивного избирательного права, он устанавливался на уровне 20 лет для всех основных категорий населения, распространяясь на женщин, и 18 лет для военнослужащих, гражданская зрелость которых подтверждалась их ролью непосредственных защитников Отечества, при отсутствии остальных цензов (имущественного, грамотности, оседлости, по национальному и религиозному признакам, по государственной и общественной службе).

Выборы в Учредительное собрание 12 ноября, однако, не принесли конституционным демократам отдачи, адекватной тем усили-

ям, которые были затрачены ими на реализацию идей форума, его правовую и организационную подготовку и четко выстроенную стратегию выборной кампании. Успех сопутствовал им в 7 из общего числа 75 территориальных округов (68 тыловых и 7 фронтовых). Из 14 (по подсчетам Л.Г. Протасова) ставших депутатами Учредительного собрания кадетов¹⁸ более половины были избраны по столичным округам: от Петроградского столичного (городского) избирательного округа — П.Н. Милюков, М.М. Винавер, Н.Н. Кутлер, Ф.И. Родичев; от Московского столичного (городского) округа — Ф.Ф. Кокочкин, В.А. Маклаков, Н.И. Астров, П.И. Новгородцев. Здесь они составили для многих неожиданную конкуренцию большевикам, собрав в Петрограде 26,2 % всех голосов (большевики — 45 %), в Москве — 34,2 % (большевики — 48,1 %) ¹⁹.

В других округах поддержка конституционных демократов была достаточно скромной. От Московского губернского избирательного округа был избран П.Д. Долгоруков; от Пермского — Л.А. Кроль и В.М. Сумароков (ввиду отказа Милюкова); от Петроградского губернского — В.Д. Набоков; от Херсонского — Л.А. Велихов (ввиду отказа Милюкова); от Ярославского — А.И. Коновалов. В Вольнском округе, где Партия народной свободы выступала в блоке с «беспартийными хлеборобами», полученный мандат отошел польскому списку.

Наиболее популярной и известной фигурой в кадетской партии, как показали выборы, был П.Н. Милюков, избранный одновременно от трех избирательных округов (закон допускал выдвижение одной и той же кандидатуры максимум в 5 округах).

Ряд других лидеров партии на популярность среди избирателей претендовать не смогли. В Саратовском округе А.И. Шингарев конкурировал с выдвинутым от Партии социалистов-революционеров А.Ф. Керенским, но проиграл, набрав 2,5 % голосов. Эсеры же по этому округу, получив 56,3 % голосов, обрели 11 мандатов. Избранный также от Области войска Донского (мандат был передан В.С. Мамонову) Керенский в начале января 1918 г. тайно прибыл в Петроград, намереваясь участвовать в открытии Учредительно-

¹⁶ Программы российских политических партий. Пг., 1917. С. 48.

¹⁷ Специально об этом см.: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 511–514.

¹⁸ Всероссийское Учредительное собрание : энциклопедия... С. 300–306.

¹⁹ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 87–91.

го собрания, но отказался от этой идеи из-за угрозы ареста.

А.В. Карташев, примкнувший к кадетам после Февраля, член ЦК партии, с 24 июля — обер-прокурор Синода, выдвигался по трем округам (Вологодскому, Пермскому, Черниговскому), но нигде не получил поддержки. В Черниговском округе, например, кадетский список набрал 3 % голосов. Избрана же была по правозсеровскому списку «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская.

Неудача постигла и члена ЦК партии (избран на VIII съезде) Б.М. Овчинникова, заявленного в кадетском списке под № 1 по Орловскому избирательному округу и набравшего 2,3 % голосов²⁰.

Особенно низкой была поддержка кадетов в действующей армии. Так, список Партии народной свободы и примыкающих к ней в избирательном округе Юго-Западного фронта набрал лишь 1336 голосов (0,1 %).

Электоральные усилия Партии народной свободы пошли прахом еще до открытия Учредительного собрания. 28 ноября Совнарком в 22 часа 30 минут принял, а Ленин подписал декрет «Об аресте вождей Гражданской войны против революции», в котором, в частности, говорилось: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционного трибунала»²¹. Однако еще до принятия декрета, утром 28 октября, были арестованы члены ЦК партии, уже имевшие мандат депутатов Учредительного собрания, П.Д. Долгоруков и Ф.Ф. Кокошкин, а также Шингарев.

Это заставило кадетов принять решение о неучастии в работе Учредительного собрания. Однако Долгоруков, находясь в Петропавловской крепости, оценил это решение как ошибку. «Следовало, — полагал он, — по крайней мере, по 2 члена из Петрограда и Москвы явиться и постараться от фракции прочесть краткую декларацию из двух пунктов:

о суверенной власти Учредительного собрания и по вопросу о мире»²².

Всенародное волеизъявление 12 ноября выбило российских либералов из мейнстрима общественно-политических процессов, «выделив» им 4,5 % голосов избирателей и 14 депутатских мандатов из 765. Но если возвести эти более чем скромные проценты в ранг живой человеческой поддержки, то картина меняется кардинальным образом. Либеральный вариант решения стоявших перед страной проблем поддержало 2 млн 200 тыс. человек, составивших в основе своей интеллектуальную и деловую элиту тогдашнего российского общества: мыслителей и ученых во всех основных отраслях знания, экономистов, финансовых работников, правоведов, юристов, адвокатов, преподавателей, врачей, инженеров, писателей, деятелей искусства, прогрессивно настроенных предпринимателей и управленцев...

Трагическим заключительным аккордом и горьким символом судьбы конституционно-демократической партии как политической структуры стала дикая расправа над Кокошкиным и Шингаревым ворвавшимися в тюремную больницу матросами и красновардейцами. И случилось это 6 января 1918 г. — в день разгона «палладиума народной свободы», в реализацию которого либералы вложили так много сил, интеллектуальных и организационных.

Несчастливый «роман» либералов с Учредительным собранием исчерпал себя сразу же после его разгона. Все попытки различных антибольшевистских кругов привлечь кадетов к реанимации идей и практики этого уникального представительного учреждения в годы Гражданской войны и в условиях эмиграции заканчивались ничем. В фонде Милюкова в ГА РФ сохранилась резолюция заседания ЦК партии кадетов, состоявшегося ориентировочно в феврале — марте 1918 г., которая определяла позицию кадетов относительно использования лозунга Учредительного собрания в дальнейшей борьбе с большевизмом: «Полагая, что для созыва Учредительного Собрания для восстановления нормальных условий жизни с целью закрепления нового строя на началах правопорядка необходимо провести новые выборы, Центральный Комитет признает, что Учредительное собрание, избранное к 28 ноября

²⁰ Овчинников Борис Михайлович (1665–1938) — участник Всероссийского Демократического совещания (сентябрь) и член Временного совета Российской республики (Предпарламента) от земских учреждений. В Учредительное собрание выдвигался также в Московском губернском и Рязанском избирательном округах, но безуспешно. См.: Всероссийское Учредительное собрание : энциклопедия... С. 285, 303.

²¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 62.

²² Цит. по: Всероссийское Учредительное собрание : энциклопедия... С. 121.

1917 г., не было бы в состоянии осуществить предлагаемые ему функции и тем выполнить задачу восстановления в России порядка и потому возобновление его деятельности должно быть сочтено нецелесообразным и ненужным»²³.

Итак, выборы в Учредительное собрание не принесли российским либералам зримого успеха. Политическим балом в стране к осени 1917 г. правили радикалы различных цветов и мастей. К тому же клеймо «врагов народа» не позволило даже законно избранным от Партии народной свободы депутатам добраться до столь хорошо знакомого, давно «обжитого» ими зала заседаний Таврического дворца.

Разгон Учредительного собрания, резюмирует американский историк Александр Рабинович, профессор Индианского университета (Блумингтон, США), «похоронил надежды российских либералов и умеренных социалистов на то, что революция 1917 г. еще может завершиться формированием в России демократической политической системы западного образца»²⁴.

Интересна интерпретация именно западным исследователем причин, определивших такой поворот событий: «Конечно, свою роль в этом сыграли такие факторы, как мощная народная поддержка большевиков в Петроградском регионе, которую продемонстрировали ноябрьские выборы, и отказ эсеровского

руководства прибегнуть к физической силе ради защиты Учредительного собрания — в отличие от большевиков и левых эсеров, готовых с оружием в руках защищать Советскую власть. Но самый главный фактор, возможно, указал Святицкий²⁵, который объяснял судьбу Учредительного собрания глубоким безразличием русского народа, позволившем Ленину просто дать отмашку: „Пусть расходятся по домам“»²⁶.

Удивительно, но факт: потребовалось менее 2 месяцев от выборов в Учредительное собрание до его открытия, чтобы настроения широких слоев населения сменились столь кардинальным образом в диапазоне от всеобщего электорального энтузиазма к почти полной индифферентности к судьбам своего детища.

Не в этом ли заключается свидетельство того, что революционный процесс в стране еще не исчерпал своих потенциалов в плане дальнейшей радикализации? То есть того самого бурно нарастающего социально-политического «торнадо», которое не оставляло либерально мыслящим политикам и поддерживающим их умеренным слоям населения никаких надежд на то, что их голос будет услышан.

²³ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... С. 414.

²⁴ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год эпохи советской власти в Петрограде. М., 2007. С. 199.

²⁵ Святицкий Николай Владимирович (1886–1937) — социалист-революционер, член Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, «обязательный» кандидат в УС от ЦК ПСР, член УС по Харьковскому избирательному округу, автор ряда трудов по истории УС. См.: Всероссийское Учредительное собрание : энциклопедия... С. 285–286.

²⁶ Рабинович А. Указ. соч. С. 199.

Литература

1. Всероссийское Учредительное собрание : энциклопедия / авт.-сост. Л.Г. Протасов. М., 2014. 555 с.
2. Декреты Советской власти. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1. 624 с.
3. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения / О.Н. Знаменский. Л., 1976. 363 с.
4. Конституционно-демократическая партия. Постановления II-го съезда 2–11 января 1906 г. и программа. СПб., 1906. 32 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 34. 584 с.
6. Паустовский К.Г. Собрание сочинений. Т. 4 : Повесть о жизни: Далекие годы. Беспокойная юность. Начало неведомого века / К.Г. Паустовский. М., 1968. 710 с.
7. Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. М., 1995. 461 с.
8. Программы российских политических партий / изд. новое, с изм. и доп. послед. парт. съездов. Пг. : Свобода, 1917. 30 с.
9. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / Л.Г. Протасов. М. : РОССПЭН, 1997. 380 с.

10. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи / Л.Г. Протасов. М., 2008. 463 с.
11. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : 1915–1920 гг. М., 1998. 590 с.
12. Рабинович А. Большевики у власти. Первый год эпохи советской власти в Петрограде / А. Рабинович. М. : АИРО-XXI; Новый хронограф, 2007. 624 с.
13. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 2000.
14. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции / В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2015. 863 с.

Кадетская партия в 1917 г.: идеологическая трансформация в условиях революции

Гайда Федор Александрович,

доцент кафедры истории России XIX в. — начала XX в.

исторического факультета

Московского государственного университета

(МГУ) имени М.В. Ломоносова,

кандидат исторических наук, доцент

fyodorgayda@gmail.com

В статье рассматривается идеологическая и программная эволюция кадетской партии под влиянием революционных событий 1917 г. Кадеты оказались единственной крупной всероссийской либеральной партией, продолжившей существование после Февральской революции. С этого времени они также стали наиболее умеренной политической силой. При этом отношения партии с буржуазией остались противоречивыми, прочный политический союз создан не был. В результате к выборам в Учредительное собрание кадетская партия подошла со значительно эволюционировавшей программой, основанной на радикально-демократических принципах и представлении об укреплении «государственного социализма» в экономике. Кроме того, кадеты оказались неспособны «организовать общество» и использовать внепарламентские средства борьбы за власть.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Временное правительство, буржуазия, кадетская партия, государственное управление.

The Cadet Party in 1917: Ideological Transformation in Conditions of Revolution

Gayda Fedor A.,

Assistant Professor of the Department of Russian History of XIX — Early XX Centuries

of the Historical Faculty

of the Lomonosov Moscow State University (MSU),

Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor

The article examines the ideological and programmatic evolution of the Cadet Party during the revolutionary events of 1917. The Cadets were the only major all-Russian liberal party that was activated after the February revolution of 1917 in Russia. At the same time, the relations between the Cadets and the bourgeoisie remained controversial; a lasting political alliance was not created. On the eve of the elections to the Constituent Assembly, the Cadet Party program was already based on radical democratic principles and the idea of “state socialism” in the economy. However, the Cadet party was unable “to organize society” and use extra-parliamentary means of struggle for power.

Key words: February revolution of 1917, the Provisional government, the bourgeoisie, the Cadet party, state administration.

Дореволюционные теоретические представления партии можно охарактеризовать как социально-либеральные. Основными ценностями для кадетов выступали индивидуализм и демократизм, они отстаивали права и свободы человека и гражданина, принципы народного (не классового) суверенитета, верховенства закона, конституционализма. Основным гарантом прав, по мысли кадетов, должно было выступать государство. Вследствие этого кадеты выступали за государственное единство России: как территориальное (идеал либеральной империи, но предполагающей наличие культурной автономии национальных меньшинств), так и властное (при разделении властей должен был господствовать парламентарный строй). При этом применение государственного насилия как целенаправленной политики в отношении граждан кадетами отрицалось. Для кадетов был характерен телеологический взгляд на исторический процесс: он воспринимался как бесконечный прогресс, в ходе которого должно было постепенно утверждаться совершенное общество; нередко его именовали «социалистическим». Программа партии включала социальные требования и не провозглашала неприкосновенности частной собственности. Несмотря на то что кадеты расценивались более левыми силами как партия «буржуазная», в целом между кадетами и российской буржуазией сложились противоречивые отношения¹.

Кадеты сыграли одну из важнейших ролей в победе Февральской революции. В программу первого Временного правительства вошли кадетские программные положения: полная политическая и религиозная амнистия, гражданские свободы (с распространением их на военнотружущих), отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений. Вполне соответствовали кадетским чаяниям идеи создания народной милиции (в ведении полностью демократизированных органов самоуправления) и немедленного созыва Учредительного собрания.

Однако с победой Февральской революции кадетскому руководству стала ясна необходимость существенного изменения официальной партийной программы. Например, на пленарном заседании ЦК, фракции, членов Государственного совета и прежних со-

ставов Государственной Думы 10–13 марта 1917 г. никто «по существу» не высказывался за сохранение монархии². Партийная газета «Речь» уже не сомневалась, что «выродившаяся духовно и физически» монархия «надо думать, навсегда покинула историческую сцену»³. VII съезд партии (25–28 марта) изменил программу партии в соответствии с произошедшей революцией и единогласно провозгласил основной задачей установление в России «демократической парламентской республики». «Республика фактически уже существует», — заявил докладчик Ф.Ф. Кокошкин⁴. «Вопрос окончательно и бесповоротно решен жизнью», — подтверждал новый член партии кн. Е.Н. Трубецкой⁵. Съезд также выступил за продолжение войны «союза демократии против союза реакционных монархий до победного конца и справедливого и прочного мира»⁶.

Как кадеты представляли себе механизм управления в новой России? 3 марта ЦК обратился с воззванием к стране: «Старая власть исчезла. Государственная Дума, забыв различия партийных взглядов, объединилась во имя спасения родины и взяла на себя создание новой власти. Граждане, доверьтесь этой власти, соедините ваши усилия, дайте созданному Государственной Думой правительству довершить великое дело освобождения России от врага внешнего и водворения в стране мира внутреннего, основанного на началах права, равенства и свободы... Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей... Сейчас главный лозунг — „Организация и единство“»⁷. Его активно отстаивала партийная печать. «Единение, порядок, работа!» — гласила передовая «Русских ведомостей» за 3 марта. «Ликовать и торжествовать не время. Нужна напряженная и строго объединенная работа, которая, по словам газетной статьи (автором, видимо, был А.А. Кизеветтер), могла предостеречь от разрыва «между партиями и классами», анархии и неизбежной в таком случае диктатуры».

² Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. М., 1998. Т. 3. С. 359–361.

³ Речь. 1917. 14 марта.

⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 372.

⁵ Там же. С. 379.

⁶ Там же. С. 493.

⁷ Февральская революция. 1917 : сб. док. и мат.-лов. М., 1996. С. 196–197.

¹ Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

туры. «Отныне правительство — это народ, революция — это порядок, власть — это мы все», — писал в своей статье М.А. Мандельштам⁸. Суть подобной политики была выражена словами министра путей сообщения Н.В. Некрасова, сказанными им 27 марта на VII съезде кадетской партии: «Основной вопрос заключается сейчас в том, чтобы идею революции, торжества демократии, идею народовластия провести возможно скорее во всех возможных ее формах»⁹.

VIII съезд (9–12 мая) принял принцип полновластия органов местного самоуправления на местах¹⁰. Новое государственное устройство должно было соответствовать принципу общественной организации. Правительство принципиально отказывалось использовать административный аппарат для проведения какой бы то ни было правительственной политики. Контролируемое кадетами Юридическое совещание при Временном правительстве также заявило о необходимости реформы местного управления «на основе преобразования органов непосредственного государственного управления на местах в органы самоуправления и предоставления последним всей полноты государственной власти»¹¹. Центральное место в отношениях правительства с провинцией должен был занять институт губернских и уездных комиссаров. По сути, они были единственными представителями государства на местах. Министерство внутренних дел предложило своим губернским комиссарам формировать на местах губернские, уездные, волостные, городские и поселковые комитеты из состава общественных организаций¹². 26 апреля было издано подготовленное кадетами постановление о губернских комиссарах. Губернский комиссар назначался Временным правительством и являлся официальным и главным «носителем власти Временного правительства в губернии». Он объединял все гражданское управление, мог издавать постановления и надзирать за «законностью и целесообразностью» действий органов местного самоуправления через информирование правительства и опротестование их в местном суде (хотя в новых обстоятельствах сделать это было затруд-

нительно). В ведении комиссара также было землеустройство, «общий надзор за милицией» (она была подчинена органам местного самоуправления) и право вызова войск. Кандидатура уездного комиссара рекомендовалась губернскому комиссару уездным исполкомом общественных организаций и утверждалась правительством. Уездные комиссары осуществляли не управление, а надзор и общую координацию, но не в отношении уездных органов (полностью самоуправляемых), а лишь волостных и поселковых правлений¹³.

В мае партия поддержала идею коалиционного правительства. Только в августе в партийных кругах был поставлен вопрос о диктатуре, но лишь на короткий срок, с передачей власти Учредительному собранию. При этом никаких партийных решений на этот счет так и не состоялось. Вплоть до октября кадеты так и не смогли наладить прочных отношений с офицерством, духовенством, буржуазией. Наоборот, в мировоззренческом плане партия скорее эволюционировала в противоположном направлении. На VII съезде партии основной докладчик Кокошкин отмечал, что кадеты изначально отстаивали не только принципы «либеральный, освободительный» и «демократический», но стояли также «на почве социализма». «Осуществление начал социальной справедливости, широких реформ, направленных к удовлетворению справедливых требований трудящихся классов», всегда, по словам докладчика, было требованием кадетской партии. «Мы в этом пункте нашей программы стали на почву социалистического мировоззрения, не того, конечно <...> которое считает возможным изменить экономический строй путем насильственным, путем захвата политической диктатуры, а на почву того мировоззрения, которое полагает, что человечество постепенно вырастает в новый социальный строй и что задача демократических партий заключается в том, чтобы всеми способами государственного воздействия способствовать возможно более успешному, быстрому и безболезненному ходу этого процесса», — говорил Кокошкин¹⁴. Ф.И. Родичев напомнил «предсказание» А.И. Герцена, что «русский

⁸ Русские ведомости. 1917. 7 марта.

⁹ Съезды и конференции... С. 473.

¹⁰ Там же. С. 661–668.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 59. Л. 17об.

¹² Там же. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 18. А. 4.

¹³ Временное правительство. Министерство внутренних дел. Циркуляры министерства внутренних дел. Пг., 1917. С. 7–8; ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 3. Д. 33. Л. 14–21; Оп. 6. Д. 5. Л. 50–57; Оп. 2. Д. 6. Л. 12–15.

¹⁴ Съезды и конференции. С. 369; Кизеветтер А.А. Партия Народной Свободы и ее идеология. М., 1917;

народ есть тот народ, который вместе с идеалами свободы осуществит идеалы социальной справедливости». Известный философ Н.О. Лосский предложил внести в программу партии развернутое положение о приверженности идее «эволюционного социализма». Кн. Д.И. Шаховской настаивал на необходимости «блокироваться по возможности с партиями налево» и «по соглашению с ними способствовать планомерному использованию в интересах революции аморфных народных масс». По его мнению, кадеты должны были «смело идти в эти массы для того, чтобы приобретать там сторонников, чтобы наладить их жизнь, а иногда для того, чтобы кое-чему у этих масс поучиться»¹⁵. Предложение Лосского не нашло продолжения, однако было реализовано в деятельности правительства.

Наиболее значимым мероприятием первого состава Временного правительства в экономической сфере стало введение хлебной монополии, осуществленное 25 марта по представлению министра земледелия кадета А.И. Шингарева¹⁶. Частная собственность на хлеб, в том числе и еще не убранный, уничтожалась. Владельцы зерна — и помещики, и крестьяне — оставляли себе законодательно закрепленный прожиточный минимум, а прочее обязаны были продать государству по установленным им твердым и низким ценам. Был создан Общегосударственный продовольственный комитет и продкомы на всех уровнях от губернии до волости, формировавшиеся из различных общественных сил. Комитетам передавалась вся земля сельскохозяйственного назначения, они получили право изъятия необработанных земель. На всероссийском уровне были введены хлебные карточки¹⁷. VIII кадетский съезд принял принцип трудового землепользования (при принудительном государственном выкупе предполагалось оценивать землю по ее нормальной доходности)¹⁸. Все эти меры и принципы носили ярко выраженный социалистический характер. Эта политика была подвергнута резкой критике со стороны

I Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли (19–22 марта)¹⁹.

Кадетской программе соответствовала политика министра торговли и промышленности А.И. Коновалова (в 1917 г. он вступил в кадетскую партию). 9 марта по постановлению правительства министром был создан Отдел труда МТП, который принялся за разработку рабочего законодательства и должен был надзирать за его выполнением; министр согласился с введением 10 марта восьмичасового рабочего дня на частных фабриках Петрограда и принял решение о его установлении на казенных (в том числе военных) заводах столицы²⁰. Позднее он стихийно распространился на всю страну. Один из крупнейших торгово-промышленников С.И. Четвериков открыто предупреждал правительство, что данная мера сразу приведет к сокращению производства на 20 %²¹. Однако предупреждения не подействовали.

Сменивший Коновалова управляющий МТП кадет В.А. Степанов 8 июня представил Временному правительству докладную записку, в которой отстаивал «невозможность изменения существующего хозяйственного строя на социалистический», но при этом отрицал и возможность возврата к «свободной экономике». Степанов выступал за самое широкое государственное регулирование в экономической сфере. Проект включал нормировку оплаты труда рабочих, ограничение прибылей промышленников, принудительное синдицирование и трестирование (введение государственных торговых монополий)²². Часть предложений Степанова была реализована Временным правительством. 1 июля Временное правительство распространило на всю территорию России казенную монополию на продажу кожи²³. 1 августа была

Изгоев А.С. О буржуазности // Вестник Партии народной Свободы. 1917. № 1. С. 8–9.

¹⁵ Съезды и конференции... С. 384, 432, 460.

¹⁶ Архив новейшей истории России. Сер.: Публикации. Т. VII: Журналы заседаний Временного правительства: в 4 т. Т. 1: Март — май 1917 г. С. 169.

¹⁷ Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975.

¹⁸ Съезды и конференции... С. 654–657.

¹⁹ Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 19–22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918. С. 167–168, 230–231.

²⁰ Авдеев Н.Н. Революция 1917 года: хроника событий (январь — апрель 1917 г.). М.; Пг., 1923. С. 87; Революционное движение в России после свержения самодержавия: документы и материалы. М., 1957. С. 432–434; Вестник Временного правительства. 1917. 11 марта.

²¹ Утро России. 1917. 19 марта.

²² Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. М.-Л., 1957. С. 221–226.

²³ Архив новейшей истории России. Сер.: Публикации. Т. IX: Журналы заседаний Временного правительства: в 4 т. Т. 3: Июль — август 1917 г. М., 2004. С. 42.

установлена монополия на донецкий уголь²⁴. В октябре Временное правительство планировало внести в Предпарламент разработанные под руководством товарища министра финансов кадета М.И. Фридмана законопроекты о поимущественном налоге, налоге на наследство, на сделки по ценным бумагам, а также о введении государственной монополии на продажу чая, махорки и спичек. Подобные проекты прямо расходились с интересами торгово-промышленников²⁵.

Став в майской коалиции министром финансов, Шингарев добился проведения масштабной налоговой реформы 12 июня 1917 г., увеличивающей прямые налоги с крупных капиталов²⁶. «Русские ведомости» отмечали, что осуществление задуманных налоговых преобразований «несомненно, явится одним из крупнейших завоеваний революций»²⁷. Шингарев не привлек к подготовке реформы представителей предпринимательских организаций²⁸. Закон «О повышении окладов государственного подоходного налога» значительно увеличивал ставки подоходного обложения, введенные в 1916 г. От уплаты освобождались малообеспеченные граждане, зато ставки для имущих слоев резко возрастали: от 12 до 30 % (по дореволюционному закону максимальная ставка составляла 12,5 %)²⁹. Но наиболее решительно Шингарев был настроен в вопросе об обложении сверхприбыли, о чем официально заявил в «Вестнике Временного правительства»³⁰. Налог доходил до 90 % (по положению 1916 г. — до 50 %). Сверхприбылью считалась разница между прибылью в 6–8 % на основной капитал компании в сравнении с предвоенным периодом. При этом обложению подлежала прибыль как за 1917, так и за 1916 г. По этому поводу буржуазная пресса возмущенно писала, что промышленник вынужден будет либо не выплатить налог, либо

в 2–3 месяца прекратить платить рабочим и объявить себя банкротом³¹. С резким протестом против налоговой реформы выступили Совет съездов представителей промышленности и торговли, другие организации и отдельные представители буржуазии³².

Неудивительно, что на IX съезде партии (23–28 июля) вопрос о социализме был поднят вновь. Выступивший с докладом об экономическом положении в стране А.А. Мануйлов заявил: «Мы должны открыто и громко сказать, что <...> в области промышленности, как в аграрной программе, мы не являемся сторонниками социализации, не отрицаем личную собственность». Однако его содокладчик Шингарев, наоборот, видел единственный выход «из создавшегося трагического положения <...> в возможно широком применении принципа государственной монополизации всех отраслей хозяйства». Обстоятельства, по мнению экс-министра, должны были толкать на этот путь «всякую власть, социалистическую или несоциалистическую». (Позднее, на X съезде [14–16 октября], настаивая на усиленном государственном развитии промышленности, Шингарев отмечал, что «партия была и будет чиста от безумного осуществления социализма в стране бедной, промышленно неразвитой и темной»³³.) Среди других делегатов единства также не было, но большинство склонилось к тому, что «партия народной свободы должна твердо стоять на своей собственной идеологии, которая и не буржуазная, и не социалистическая, а чисто демократическая»³⁴. Но, по сути, спор шел уже о словах: считать жесткое государственное регулирование производства и распределения социализмом или нет?

На IX съезде было подтверждено традиционное отношение партии к национальному вопросу: провозглашая принцип культурной автономии, кадеты отрицали идею территориальной автономии. При этом партия вынуждена была признать неизбежность установления украинской областной автономии. Тем самым создавался прецедент, который

²⁴ Там же. Т. VIII : Журналы заседаний Временного правительства : в 4 т. Т. 2 : Май — июнь 1917 г. С. 361.

²⁵ Промышленность и торговля. 1917. № 38–39. С. 214.

²⁶ Архив новейшей истории России... Т. VIII : Журналы заседаний Временного правительства : в 4 т. Т. 2 : Май — июнь 1917 г. С. 239–245.

²⁷ Русские ведомости. 1917. 24 мая.

²⁸ Экономическое положение России накануне Великой октябрьской революции. Ч. 2. М.; Л., 1957. С. 574.

²⁹ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 322.

³⁰ Вестник Временного правительства. 1917. 11 июня. Цит. по: Волобуев П.В. Указ. соч. С. 319.

³¹ Промышленность и торговля. 1917. № 20–21. С. 372.

³² Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. К истории буржуазной контрреволюции // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.; Л., 1957. С. 288–291 ; Экономическое положение России. Ч. 1. С. 228–229; Ч. 2. С. 408, 574.

³³ Съезды и конференции... С. 745.

³⁴ Там же. С. 684, 708, 712–713, 717.

в будущем мог привести партийную программу к значительной корректировке и, скорее всего, к признанию принципа федерализма. Единственным ощутимым признаком «поправления» кадетской партийной программы в это время стал вопрос церковный — для самой партии весьма второстепенный, но значимый в предвыборном плане (до выборов в Учредительное собрание оставалось менее 1 месяца). На октябрьском съезде партия признала за Православной церковью, как религией «значительного большинства насе-

ления», право на «покровительство в законе и материальную поддержку»³⁵.

Таким образом, к выборам в Учредительное собрание конституционно-демократическая партия подошла со значительно эволюционировавшей программой, основанной на радикально-демократических принципах и представлении об укреплении «государственного социализма» в экономике.

³⁵ Там же. С. 722–725.

Литература

1. ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 59.
2. ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 6.
3. ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 3. Д. 33.
4. ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 5.
5. ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 18.
6. Изгоев А.С. О буржуазности / А.С. Изгоев // Вестник Партии народной Свободы. 1917. № 1. С. 8–9.
7. Кизеветтер А.А. Партия Народной Свободы и ее идеология / А.А. Кизеветтер. М., 1917. 29 с.
8. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.; Л., 1957.
9. Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. М., 1998.
10. Революционное движение в России после свержения самодержавия : документы и материалы / под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1957. 857 с.
11. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М., 2000.
12. Февральская революция. 1917 : сб. док. и мат-лов / под ред. А.Д. Степанского, В.И. Миллера. М., 1996.
13. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской революции. Ч. 1–2. М.; Л., 1957. 655 с.
14. Авдеев Н.Н. Революция 1917 года: Хроника событий (январь — апрель 1917 г.). М.; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 225 с.
15. Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году / В.И. Кострикин. М. : Наука, 1975. 336 с.
16. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.) : монография / Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород : Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. 227 с.

Концепция революции в кадетской публицистике 1905–1907 гг.

*Соловьев Кирилл Андреевич,
главный научный сотрудник
Института российской истории
Российской академии наук,
профессор кафедры истории и теории исторической науки
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
доктор исторических наук
kirillsol22@yandex.ru*

Статья посвящена концепции революции в понимании Конституционно-демократической партии. У кадетов периода Первой русской революции было собственное видение логики революционного процесса, принципиально отличающееся от социалистического. В соответствии с этим они и выстраивали свою партийную тактику.

Ключевые слова: революция, кадеты, либерализм, конституционализм.

Concept of Revolution in Cadet Opinion Journalism in 1905–1907

*Solovyev Kirill A.,
Chief Research Scientist
of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Professor of the Department of History and Theory of Historical Science
of the Russian State University for the Humanities (RSUH),
Doctor of History*

The article is devoted to the Constitutional-democratic party's conception of the revolution. At the time of the First Russian revolution cadets had their own point of view on the logic of the revolution process that is too far from the socialistic one. And this vision made them to formulate tactics of the party.

Key words: revolution, cadets, liberalism, constitutionalism.

Кому-то до сих пор кажется, что либерализм не допускает революцию. Практика, как обычно, опровергает теорию. Кадеты, по крайней мере в 1905–1907 гг., не боялись революции, считали возможным ею воспользоваться, но при этом понимали ее принципиально иначе, чем их коллеги слева, которых обычно причисляют к революционерам. Кадеты полагали, что на них работает сама история. Рано или поздно (причем, скорее, рано) их идеи должны были восторжествовать вне зависимости от позиции представителей «старого режима». «Поток жизни» возносил их с неминуемостью на вершины власти. Как писала газета «Право» 9 января 1906 г., вспоминая годовщину «Кровавого воскресенья»: «Насущная задача заключает-

ся вовсе не в том, чтобы бороться с крайними партиями, которые сами захвачены стихией, а бороться с этой последней; борьба же со стихией возможна не противопоставлением ей плотин, которые, как показали многочисленные опыты, раньше или позже непременно будут смыты, — а, напротив, устранением тех препятствий, которые превращают величавое течение в бешеный поток, смывающий на своем пути без разбору все, что не встретится»¹. Эта же мысль получила развитие в выступлениях П.Н. Милюкова: «Тот, кто хочет управлять жизнью, прежде всего, не должен ее бояться и во всяком случае не должен ей ставить преграды, иначе он

¹ Из итогов // Право. 1906. № 1. С. 6.

будет сметен с дороги. Надо верить в то, что жизнь сама сумеет отстоять себя и найдет для своих страстей, для сталкивающихся интересов, для неразрешенных противоречий самый разумный исход, если ей дадут возможность самой искать, размышлять и сравнивать. Вместо этого, всему этому житейскому морю хотят противопоставить преграду, и удивляются, что волны разбивают камни и что каждый день приходится сызнова, без всякой пользы и без надежды на успех, вновь начинать Сизифову работу»².

Образ неукротимой морской стихии, с которой просто бессмысленно бороться, полюбился кадетам. Им казалось, что важнейшая задача политика — понять, куда течет поток жизни. Или же можно сказать, «согласовывать пути к осуществлению... идеалов с реальными жизненными данными»³. Так формулировал задачу кадетов А.А. Кизеветтер. В этом как раз и сказывался «реализм» Партии народной свободы, который всегда подчеркивали ее члены⁴. Это им давало право претендовать на лидерство в «освободительном движении», чьи принципы они отстаивали⁵.

Кадеты не были склонны опасаться социалистов, видя в них утопистов, далеких от понимания реального политического расклада сил⁶. Как писал Л. Шиф в «Вестнике народной свободы»: «Только кадеты и большевики из существующих прогрессивно-демократических партий последовательны в своей тактике — первые в своем реализме, вторые — утопизме; у прочих утопические и реалистические элементы переплетаются между собою, фатально парализуя друг друга»⁷.

Говоря о неизбежности победы конституционализма, Милюков в своей работе «Россия и ее кризисы» приводил следующий аргумент: хотя у истории есть свои причуды, но у нее есть и свои законы, существование которых не может вызывать сомнений у историка. «Отрицать это значит впасть в отчаяние (despair) относительно будущего России»⁸. В данном случае была сформулирована точка зрения о неизбежности прогресса, который оказывается союзником тех, кого Милюков в той же работе причислил к левому крылу либерализма⁹. В итоге в партии кадетов, состоявшей как раз из либералов левого толка, сложилось особое ощущение своей исторической правоты. И в этом отношении замечательна речь Ф.И. Родичева, произнесенная им на II съезде партии 6 января 1906 г. Он еще не знал и не мог знать итогов предстоявших выборов в Думу. Он даже был готов предположить, что партия кадетов окажется в меньшинстве. Но «если бы даже мы составляли в Думе меньшинство, то помните, господа, что руководство в народном представительстве принадлежит не большому числу представителей, а тем группам, которые являются выразителями большого числа населения. Сила мнения и воли страны очень часто выражается меньшинством; тогда это меньшинство руководит и судьбами страны и волей остальных представителей народа. И эта роль — эта *prioritas dignitas* — несомненно, принадлежит конституционно-демократической партии... Быть может, конституционно-демократическая партия должна готовиться не к тому, чтобы принять мученический венец, а к тому, чтобы взять общественную власть»¹⁰. Остается лишь решить, как эту власть взять, а это уже вопрос тактики.

«Сущность всякого правительства заключается не в физической силе, не в пушках и пулеметах, а в том моральном и социальном авторитете, которым оно пользуется в населении; с потерей этого авторитета и начинается процесс разрушения самого правительства», — отмечал Н.А. Гредескул 23 июня 1906 г. в клубе Партии народной свободы¹¹. При такой постановке вопроса средством борьбы с правящим режимом должно было

² Милюков П.Н. Итоги избирательной кампании // Вестник народной свободы. 1907. № 8. Стб. 517.

³ Кизеветтер А.А. Партия народной свободы и ее идеология. М., 1917. С. 21.

⁴ Корнилов А.А. Партия народной свободы. Пг., 1917. С. 9; Милюков П.Н. Год борьбы. СПб., 1907. С. 351; Могилянский М. Первая Государственная Дума. СПб., 1907. С. 164; Петрункевич И.И. Политическая роль первой Государственной Думы // Первая Государственная Дума : в 3 вып. Вып. 1. СПб., 1907. С. 95; Шиф Л. Партия и класс // Вестник народной свободы. 1907. № 41–42. Стб. 1792.

⁵ Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной Думы // Первая Государственная Дума : в 3 вып. Вып. 2. СПб., 1907. С. 2.

⁶ Гессен В.М. Тактика партий в первой Государственной думы // Первая Государственная дума : в 3 вып. Вып. 1. СПб., 1907. С. 123; Милюков П.Н. Указ. соч. С. 112; Петрункевич И.И. Указ. соч. С. 95.

⁷ Шиф Л. Народно-социалистическая партия // Вестник народной свободы. 1907. № 9. Стб. 590.

⁸ Miliukov P.N. Russia and its crisis. Chicago, 1905. P. 564.

⁹ Ibid. P. 519.

¹⁰ Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 102.

¹¹ Речь. 1906. 25 июня.

стать не создание регулярной армии повстанцев, так как не в ее силах будет справиться со всей мощью государственной машины, а как раз обесточивание этой машины. Это можно было совершить только путем формирования и организации общественного мнения, которое в случае противодействия ему смогло бы вылиться в общественное действие. Сила последнего — не физическая сила, а победа его — не торжество насилия над насилием. Могущество общественного действия заключается в том, что оно дает власти ясно понять, что та не может управлять обществом, которое ему не подчиняется¹².

Ставка в этом случае, естественно, делается не на революционера, способного лишь на бессмысленное и даже вредное насилие, а на рядового представителя общества, которому и принадлежит, по сути дела, последнее слово в споре различных политических сил за власть¹³. Именно «обыватели», не склонные поддерживать революционное движение, составляют большинство населения (как писал Милюков, 80 %), и эти 80 % и предрешат исход борьбы, а не отдельные революционные выступления, которые легко будут подавлены властями¹⁴. Задача же кадетов — вовлечь в «политический оборот» эту пассивную, а часто политически индифферентную народную массу¹⁵. Для этого было необходимо как раз сформировать и организовать общественное мнение, используя реальные настроения, существующие в стране. Как писал А.С. Изгоев, партия «должна была выразить общую мысль государства, найти для нее правильную форму и верный лозунг. Из массы раздававшихся требований предстояло выделить то практически осуществимое, на чем сходятся интересы всех, что могло быть принято как национальная задача. Затем этот экстракт народных требований надо было пропагандировать и развивать»¹⁶. Иными словами, общественное мнение не

существует как данность: его надо еще сформировать¹⁷. Настроения среди населения — лишь сырье, подлежащее серьезной переработке. Функцию такой переработки должны взять на себя некоторые институты. В этом случае общественное мнение становится не только способом выражения существующих настроений, но и инструментом влияния на общество, организуя его вокруг авторитетных в стране учреждений.

Одним из них могла бы стать Государственная Дума. 27 апреля 1906 г. в газете «Дума», в день открытия первого русского парламента, вышла статья С.А. Франка под названием «Пред историческим днем». Там как раз была сформулирована задача народного представительства: учитывать стихию общественных чувств и настроений, но не подчиняться ей, а управлять ею¹⁸. Милюков формулировал ту же мысль так: «Главный смысл нашей тактики заключается в том, чтобы направить само революционное движение в русло парламентской борьбы»¹⁹. «Нужно внести народное движение в берега, дать ему правильное течение, внести сознательность, планомерность», — утверждал депутат из фракции кадетов П.А. Сафонов²⁰. Приемлемым способом усмирения грозной морской стихии стало бы задание ей определенных границ. Если же сделать перевод с языка образов и метафор на язык политической практики, то получится примерно следующее. Дума должна управлять народным сознанием и направлять его. Любое решение парламента в таком случае будет не только фактом из биографии народного представительства, но также фактом народного сознания. И, следовательно, организация общественного мнения вокруг Думы, как об этом писал Изгоев, превратится в организацию народной воли, которая сможет воплощать свои идеи в «регулярные законные формы»²¹. Правительству же ничего не останется, как

¹² Галич Л. О способах борьбы с властью // Свобода и культура. 1906. № 5. С. 356; Изгоев А.С. Из заметок о тактике // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25–26. Стб. 1400.

¹³ Милюков П.Н. Год борьбы. С. 157.

¹⁴ Милюков П.Н. Еще о тактике Думы // Речь. 1906. 3 июня.

¹⁵ Речь. 1906. 25 июня; См. также: Долгоруков П.Д. О расширении деятельности партии // Вестник партии народной свободы. 1906. № 16. Стб. 1029; Милюков П.Н. Russia and it's crisis. P. 518.

¹⁶ Изгоев А.С. Из заметок о тактике // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25–26. Стб. 1399.

¹⁷ См. также: Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 226.

¹⁸ Франк С.А. Пред историческим днем // Дума. 1906. 27 апреля.

¹⁹ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 354–355; Его же. Первая Государственная Дума. Париж, 1939. С. 12; Милюков П.Н. Год борьбы. С. 497.

²⁰ Государственная Дума первого созыва: стенографический отчет: в 2 т. Т. 1. СПб., 1906. С. 95; Езерский Н. Государственная Дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 144.

²¹ Изгоев А.С. Указ. соч. Стб. 1400.

постоянно подчиняться решениям депутатов, ибо лишь эти решения, находя поддержку среди населения, будут в полной мере легитимными. В противном же случае власть как раз столкнется с ситуацией, когда страна укажет бюрократии ее истинное место. Такова была логика кадетов, им оставалось лишь понять, насколько запущен механизм общественного мнения.

В действительности ответ на этот вопрос для кадетов был очевиден. 19 апреля 1906 г., за неделю до созыва Первой Думы, И.В. Гессен в «Вестнике партии народной свободы» утверждал следующее: «В своих тактических соображениях партия исходила из того принципа, что власть, имеющая против себя сознательное общественное мнение, неминуемо должна рушиться. Организация общественного мнения теперь достигнута: оно найдет себе отчетливое и могущественное выражение в Думе, и если правительство окажется противником, то оно тщетно будет стараться опереться на штыки и пулеметы. Они годятся для вооруженного восстания, но силу общественного мнения расстрелять нельзя»²². В том же номере партийного еженедельника вышла статья А. Грессера, в которой опять же утверждалось, что «стихийное негодование сплотило общественные силы вокруг партии народной свободы, блестяще оправдало тот тактический прием, который был принят на втором съезде партии: «де-организация власти путем организации общественных сил»²³. Ведь грандиозный успех кадетов на выборах в Государственную Думу лишний раз убедил партию в правильности выбранной тактической линии.

Но тактика все-таки была бы не адекватна времени, если бы не отвечала на принципиальный вопрос эпохи: отношение к революции. И в данном случае исследователь сталкивается с определенными проблемами: кадеты употребляют одно слово «революция», имея в виду два принципиально отличных друг от друга понятия. Сами кадеты оговаривали эту терминологическую путаницу и одну революцию отличали от другой. Так, П.Б. Струве предлагал отделять «революцию» от «революций»²⁴.

«Революции» — это как раз то, что Гредескул назвал «технической бунтарской революцией»²⁵, Милюков — «бланкизмом»²⁶, а Струве — «полицейской идеей с противоположным знаком»²⁷. Такие «революции» строятся на вере в физическую силу и победу организованного насилия. Но, как пишет Гредескул, «такую революцию можно подавить такими же техническими и организационными мерами, только направленными в обратную сторону»²⁸. А сила, как было сказано выше, всегда будет на стороне государства²⁹. Поэтому, по мнению кадетов, такая революция вредна и бессмысленна.

Революция — это определенный этап истории государства, характерной чертой которого является ломка и трансформация существующего режима как результат победы широкого народного движения³⁰. «Нельзя же забывать, что мы переживаем не просто разброд и анархию, а действительно великую революцию — великую по неимоверной силе взрыва страстей, великую по глубине своих мотивов и неизмеримости своих последствий — революцию, которая может найти себе аналогию только в грандиозных народных движениях середины XVII века в Англии и конца XVIII века во Франции, и по сравнению с которой революция 1830 и 1848 годов были ребяческой забавой», — писал Франк³¹. А далее он призывал кадетов не порицать представителей крайних партий за излишний радикализм, а «открыто встать на почву всенародной революции и рассуждать, стоя на этой почве, а не замыкаться от революционной борьбы в спокойном созерцании общих принципов»³². Иными словами, призыв таков: если ты решил стать политиком в период революции, то должен подчиняться ее законам.

²⁵ Гредескул Н.А. Тактика Думы // Речь. 1906. 2 июня.

²⁶ Милюков П.Н. Еще о тактике Думы // Речь. 1906./3 июня.

²⁷ Струве П.Б. Идеиные основы партии народной свободы // Вестник партии народной свободы. 1906. /№ 36. Стб. 1878 ; Его же. Из размышлений о русской революции // Patriotica. М.,1997. С. 32.

²⁸ Гредескул Н.А. Указ. соч.

²⁹ Там же; Галич Л. Отрывки // Дума. 1906. 9 июня; Речь. 1906. 27 июня; Шиф Л. Оппортунизм и непримиримость // Вестник партии народной свободы. 1906. № 43. Стб. 2313.

³⁰ Вестник партии народной свободы. 1906. № 13. Стб. 869.

³¹ Франк С.Л. Одностороннее самопознание // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 130.

³² Там же. С. 131–132.

²² Гессен И.В. К предстоящему съезду // Вестник партии народной свободы. 1906. № 7. Стб. 483.

²³ Грессер А. После выборов // Вестник партии народной свободы. 1906. № 7. Стб. 494.

²⁴ Кауфман А. Еще о самопознании // Полярная звезда. 1906. № 6. Стб. 398.

Первый и основной ее закон можно сформулировать словами Г. Штильмана из его статьи «Революция и вооруженное восстание» в журнале «Полярная звезда»: «Революция не делается... а происходит». Революция есть, прежде всего, общественное движение, которым нельзя в полном смысле этого слова руководить. Ее нельзя искусственно вызвать, равно, как и нельзя объявить о ее прекращении³³. «Ее можно только ускорить и облегчить. Агитация до тех пор бесплодна, пока жизнь, историческое развитие, социальная и экономическая действительность не подготовили для нее почвы»³⁴. Успех же любому методу борьбы обеспечен только в том случае, когда за ним будет стоять общественное мнение. Формирование и организация общественного мнения становятся основными задачами партии.

Кадеты воспринимали революцию как определенный период истории. Свою тактику они стремились согласовывать с законами времени, а, следовательно, она была на тот момент «революционной» «в широком смысле этого слова», как бы сказал Гредескул³⁵. «Тактика конституционно-демократической партии, — утверждал на II съезде кадетов В.М. Гессен, — соответствует ходу русской революции. Все время русская революция добивалась двойной задачи: она шла путем дезорганизации власти, с одной стороны, и организации оппозиционной мысли — с другой»³⁶.

Таким образом, концепция «кадетской революции» имела свои характерные черты.

1) **«Революция в силу положения вещей»**. Революция — не торжество силы, а следствие расклада сил в стране. Если даже быть более точным в формулировках, побеждают не революционеры, а терпит поражение режим, потерявший всякий нравственный авторитет в глазах населения. Как писал Изгоев, история «показывает, что победа революции всегда обуславливалась слабостью защиты, а не силой нападения»³⁷. Конечно же,

власть оказывается бессильной перед организованным общественным мнением, а не перед смутными народными настроениями. Когда общественное мнение противостоит режиму, последний не может преобразовывать свою силу в право. Процесс ломки отжившей правовой системы и формирование новой — вот что представляет собой революция³⁸. Но этот процесс есть, прежде всего, факт народного сознания, и лишь затем его юридического оформления.

2) **«Революция без революционеров»**. Главным герой революции, по мнению кадетов, — не профессиональный революционер с многолетним стажем, а обыватель, в чьей голове и происходят те химические реакции, в результате которых трансформируются политические системы. Свои победы революция одерживает в сознании, и их материализация в определенных акциях населения не требует особой организации. Ведь цель таких акций — не показать физическую силу народного движения, а продемонстрировать бессилие правительства.

3) **«Революция как метаморфоза»**. Процесс разложения старого режима уже идет полным ходом, поэтому неизбежной становится замена старых правовых норм новыми, соответствующими духу времени. Этому делу служит как раз Государственная Дума. Она совершает тем самым настоящую революцию, и это в ее силах по следующей причине. Дума — элемент конституционной системы, находящийся во враждебном окружении. Она является частью властных структур, но при этом враждебна самой действующей ныне власти, живущей по законам автократического государства. Такое положение долго продолжаться не может: либо конституционный, либо автократический принцип должен одержать верх³⁹. И все говорит в пользу конституционализма. Сама природа народного представительства такова, что любой парламент является формой «организации народной воли»⁴⁰. Представляя себе, каков потенциал той силы, которая стоит за депутатами, правительство, как бы оно того ни хотело,

³³ Штильман Г. Революция и вооруженное восстание // Полярная звезда. 1906. № 5. С. 349; Речь. 1906. 21 мая.

³⁴ Галич Л. О способах борьбы с властью // Свобода и культура. 1906. № 5. С. 355.

³⁵ Вестник партии народной свободы. 1906. № 12. С. 799.

³⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 171.

³⁷ Изгоев А.С. Большевицские «дурачки» и умники // Русская мысль. 1908. Т. 29. С. 197.

³⁸ Гессен В.М. Государственная Дума // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25–26. Стб. 460; Муханов А. Минувшие дни // Вестник партии народной свободы. 1906. № 23–24. Стб. 1830; Речь. 1906. 13 сент.

³⁹ Петрункевич И.И. Указ. соч. С. 104.

⁴⁰ Изгоев А.С. Из заметок о тактике // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25–26. Стб. 1400; Речь. 1906. 5 июля.

вынуждено играть по правилам, устанавливаемым парламентом. Причем эти правила могут даже и не выходить за рамки конституции, «дарованных» властями. Дело в том, что законодательный орган власти всегда имеет инструменты давления на правительство, например, так часто упоминаемое кадетами бюджетное право⁴¹. Игнорировать волю депутатов власть по вышеуказанным причинам не может. Более того, если народное представительство является выразителем общественного мнения и пользуется поддержкой народа, то у верховной власти не остается иного выбора, кроме как сформировать ответственное перед парламентом правитель-

ство⁴². Ф.Ф. Кокошкин говорил по этому поводу: «Как известно, парламентарная система управления устанавливается повсюду не законом, а обычаем, и едва ли она может быть установлена иным путем в России»⁴³. И возникновение ответственного правительства есть победа революции, ибо оно обозначает торжество общественного мнения, воплощением которого должна была стать Государственная Дума.

⁴¹ Государственная Дума первого созыва : стенографический отчет : в 2 т. Т. 2. СПб., 1906. С. 653.

⁴² Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное государство. СПб., 1905. С. 200 ; Милюков П.Н. Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982. С. 15 ; Москва. 24 мая // Русские ведомости. 1906. 24 мая.

⁴³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии... С. 76.

Литература

1. Гессен В.М. Государственная Дума / В.М. Гессен // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25–26.
2. Гессен В.М. Тактика партий в первой Государственной думы / В.М. Гессен // Первая Государственная дума : в 3 вып. Вып. 1. СПб., 1907.
3. Гессен И.В. К предстоящему съезду / В.М. Гессен // Вестник партии народной свободы. 1906. № 7.
4. Государственная Дума первого созыва : стенографический отчет : в 2 т. Т. 2. СПб., 1906.
5. Грессер А. После выборов / А. Грессер // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25–26.
6. Долгоруков П.Д. О расширении деятельности партии / П.Д. Долгоруков // Вестник партии народной свободы. 1906. № 16.
7. Езерский Н. Государственная Дума первого созыва / Н. Езерский. Пенза, 1907. 203 с.
8. Из итогов // Право. 1906. № 1.
9. Изгоев А.С. Большевистские «дурачки» и умники / А.С. Изгоев // Русская мысль. 1908. Т. 29.
10. Изгоев А.С. Из заметок о тактике / А.С. Изгоев // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25–26.
11. Кауфман А. Еще о самопознании / А. Кауфман // Полярная звезда. 1906. № 6.
12. Кизеветтер А.А. Партия народной свободы и ее идеология / А.А. Кизеветтер. М., 1917. 29 с.
13. Корнилов А.А. Партия народной свободы / А.А. Корнилов. Пг., 1917. 28 с.
14. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений / Н.И. Лазаревский // Конституционное государство. СПб., 1905.
15. Маклаков В.А. Из воспоминаний / В.А. Маклаков. Нью-Йорк, 1954.
16. Маклаков В.А. Первая Государственная Дума / В.А. Маклаков. Париж, 1939. С. 59–117.
17. Милюков П.Н. Воспоминания государственного деятеля / П.Н. Милюков. Нью-Йорк, 1982. 397 с.
18. Милюков П.Н. Вторая Дума : публицистическая хроника 1907 : 2-е продолж. сб. «Год борьбы» / П.Н. Милюков. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1908. XIII, 302 с.
19. Милюков П.Н. Итоги избирательной кампании / П.Н. Милюков // Вестник народной свободы. 1907. № 8. С. 508–517.
20. Могиланский М. Первая Государственная Дума / М. Могиланский. СПб. : Изд. М.В. Пирожкова, 1907. 200 с.
21. Муханов А. Минувшие дни / А. Муханов // Вестник партии народной свободы. 1906. № 23–24.
22. Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной Думы / П.И. Новгородцев // Первая Государственная Дума : в 3 вып. Вып. 2. СПб., 1907.

23. Петрункевич И.И. Политическая роль первой Государственной Думы / И.И. Петрункевич // Первая Государственная Дума : в 3 вып. Вып. 1. СПб., 1907.
24. Струве П.Б. Идеиные основы партии народной свободы / П.Б. Струве // Вестник партии народной свободы. 1906. № 36.
25. Струве П.Б. Из размышлений о русской революции / П.Б. Струве // Patriotica. 1997.
26. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. Т. 1. М., 1997.
27. Франк С.А. Одностороннее самопознание / С.А. Франк // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 128–135.
28. Шиф Л. Народно-социалистическая партия / Л. Шиф // Вестник народной свободы. 1907. № 9.
29. Шиф Л. Оппортунизм и непримиримость / Л. Шиф // Вестник партии народной свободы. 1906. № 43.
30. Шиф Л. Партия и класс / Л. Шиф // Вестник народной свободы. 1907. № 41–42.
31. Штильман Г. Революция и вооруженное восстание / Г. Штильман // Полярная звезда. 1906. № 5.
32. Miliukov P.N. Russia and it's crisis / P.N. Miliukov. Chicago, 1905.

Систематизация государственно-правового развития в трудах Павла Николаевича Милюкова

Попова Анна Владиславовна,

*профессор Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент
anna0710@yandex.ru*

Статья посвящена представлениям лидера партии конституционных демократов, видного неолиберального деятеля Павла Николаевича Милюкова об особенностях цивилизационного развития государства и права. Неолиберальный мыслитель полагал, что социум в своем развитии прошел последовательно через четыре системы — прагматическую, богословскую метафизическую и научную. Каждой из этих систем соответствует определенная историческая закономерность, выражающаяся в конкретном законе, действующем в природе, обществе, государстве и праве. Делается вывод о создании в трудах П.Н. Милюкова многомерной картины государственно-правового развития России, в которой экономика, народонаселение, географический фактор и менталитет населения занимают соответствующие им место.

Ключевые слова: государство, право, общество, закономерность, политико-правовая доктрина, неолиберализм.

Systematization of State Legal Development in Works of Pavel Nikolaevich Milyukov

Popova Anna V.,

*Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Operations
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Doctor of Law, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor*

The article is devoted to the views of the leader of the party of the constitutional Democrats, a prominent figure of the neo-liberal Pavel Nikolaevich Miliukov about the peculiarities of civilizational development of state and law. Neo-liberal thinkers believed that society in its development has passed successively through four systems — a pragmatic, theological, metaphysical and scientific. Each of these systems corresponds to a certain historical pattern, which is expressed in a particular law which operates in nature, society, state and law. The conclusion about the creation in the works of P. N. Milyukov multidimensional pattern of state-legal development of Russia, where the economy, population, geography and the mentality of the population occupy their corresponding place.

Key words: state, law, society, law, legal-political doctrine, neoliberalism.

Взгляды П.Н. Милюкова на государство и право неразрывно связаны с философией истории, основным вопросом которой является поиск закономерностей, т. е. закона развития человеческого общества в целом и каждой страны в отдельности, изучению которого Милюков посвятил ряд работ. Еще в 1897 г. им был прочитан цикл лекций в Софийском университете Болгарии о философско-исторических системах прошлого и настоящего, каждая из которых легла в основу определенного этапа развития государственности.

Это, прежде всего, *прагматическая система*, которая, по словам Милюкова, возникает тогда, когда «человек впервые задает себе вопрос о причине исторических событий, об их внутренней связи. Первое, что подсказывает ему простой здравый смысл, — это то, что причина событий заключается в намерениях действующих лиц. Такая психологическая мотивировка событий является низшей формой причинного объяснения»¹. Исторические события берут свое начало из борьбы человеческих страстей и интересов, на основе анализа намерений, сознательных рассуждений главного действующего лица на каждом историческом этапе такой системы. «Психология действующих лиц и действующих общественных групп — таков главный предмет, занимающий историка-прагмата». Такой подход к истории ведет лишь к извлечению из истории политических уроков для государственных деятелей, он служит прагматическим целям, игнорирующим другие, в частности, моральные императивы. «В лучшие моменты, когда прагматическая история достигает своего совершенства, — подчеркивал Милюков, — все требования морали, нравственности отходят на второй план. Но прагматическая цель прагматической науки (истории) сохраняется». Такой подход был характерен для классической историографии,

которая «не уходила дальше и не поднималась выше уровня простого исторического прагматизма». «С появлением христианства и германцев историография пошла совершенно по другому пути, чем шла древняя историография, — взгляд богословия, который и преобладал на протяжении всех средних веков», — отмечал в лекции лидер конституционно-демократической партии (партии кадетов), выделяя следующую систему².

В основе *богословской системы* лежала идея божественного промысла, Высшая Воля, которая, по словам Милюкова, «для своей цели и по-своему усмотрению вмешивается в человеческие происшествия. Мы теперь именно во вмешательстве Провидения видим нарушения закона, и которое называем чудом»³. Согласно этой системе, обычной ход исторической жизни представляет хаос, являющийся продуктом произвола человеческих личностей, а закон — результатом провидения божественной силы. Базисом для этой системы служило стремление «найти след закона в явлениях истории» на основе привнесения «идеи божественного плана, развивающейся при посредстве усилий человеческой личности», иными словами, признание идеи прогресса в обществе как результата сближения человеческой истории и божественной воли.

Для современного этапа государственно-правового развития известный предста-

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Лекции № 2, 3.

² ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Лекция № 4.

Такого же мнения придерживался и Н.А. Бердяев, который заслугу создания самой возможности философии истории целиком приписывал христианству. Христианскую цепь истории, соединившую в себе вечное и временное, небесную историю с земной, «метафизическое» с «историческим», он пытается утвердить в качестве основы своей собственной религиозно-философской концепции истории (Бердяев Н.А. Смысл истории. М. 1990. С. 23.).

³ Там же. Лекция № 2.

витель неоллиберальной политико-правовой доктрины⁴ Милюков указывал на наличие и упрочение *научной системы*, в рамках которой противоречие между законом истории и фактом истории, сглаженное уже в метафизическом представлении, окончательно исчезло, а аксиомой становится мысль, что закон есть лишь обобщенное выражение явлений, и что ни явлений без законов, ни законов без явлений не бывает. «В сущности, — отмечал он, — идея закона не чужда и двум предшествующим системам: прагматической и богословской. Напротив, именно стремление найти след закона в явлениях истории и было главным побуждением, заставлявшим придавать богословию и философии исторический аспект». И хотя понятие закона было несомненно в богословской философии истории, его творческое развитие не останавливалось и двигалось в ином направлении.

Таким образом, Божественный промысел, по мнению Милюкова, — это также своего рода закон истории. В процессе исторического развития это понятие закона крупным образом видоизменилось: человеческая история и божественная воля сблизилась между собой, и, таким образом, закон обнаружился в истории. Закономерность на данном отрезке времени понималась как тот факт, что личность в самой себе брала необходимость закона своего развития, своего совершенствования, и сами усилия данной личности представляли собой закон.

Действия личности стали объясняться не проявлением случайного произвола, а обнаружением в самой личности божественного закона. Именно такое понимание закономерности послужило основанием метафизической теории прогресса. Но и в нем, по мнению Милюкова, основная идея была привнесена — это идея божественного плана, развивающаяся при посредстве усилий человеческой личности. Уже на данном этапе научное представление о законах, как «о предметах», которые сами по себе не являются фактами, а должны быть выведены из изучения этих самых фактов, получило свое развитие. В научном же представлении данное противоречие между законом истории и фактом истории, сглаженное уже в метафизическом представлении, окончательно ис-

чезло. Таким образом, подводит итог мыслитель, переход от богословской философии истории к метафизической и научной представляет собой результат постепенного развития одного и того же понятия о законности. Следовательно, по его мнению, целью изучения считается уяснение закономерности исторического процесса во всей полноте.

В заключение к своим лекциям Милюков подчеркивал, что идея, лежащая в основе понимания прагматического этапа развития истории, государства и права в нем, — это идея прогресса; основная же идея, выдвинутая богословием, — это идея промысла. И, наконец, основная идея научно-социологического объяснения истории в целом, и государства и права, в частности, современных самому Павлу Николаевичу, — это идея закона или, другими словами, закономерности в современном ему понимании.

Социологическое или научное объяснение истории лидер кадетской партии связывал с необходимостью познания закономерностей общественного процесса. Данные биологии, а в большей мере психологии, должны, по его мнению, быть использованы наукой, так как в процесс возникновения и развития государства и права он включал личность и ее деятельность. Однако биологические и психологические факторы не должны быть определяющими и перекрывать значение «стихийных», «органических» линий развития.

В соответствии с научными представлениями Милюкова, цель научного подхода к пониманию государства и права заключалась в открытии общих законов исторической эволюции, скрепляющей «представление об однообразном ходе национальных историй, проведя аналогию между животным и социальными организмами»⁵. В его трактовке анализ таких явлений, как государство и право, должен быть направлен на выявление закономерностей общественного развития, включая личность и ее деятельность, однако, оговаривая при этом, что их рассмотрение не должно перекрывать значение «стихийных», «органических» линий развития, какими являются географические, климатические и иные условия существования человеческого общества. Он писал, что «под влиянием данных географических, климатических, почвенных, биогеографических

⁴ См. подр.: Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неоллиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX — начало XX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 382 с.

⁵ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. I. Ч. I. С. 9.

условий, а также данных по наследству особенностей данного человеческого общества, действительный ход исторического процесса может разнообразиться до бесконечности. Вплоть до полного паралича сходной внутренней тенденции»⁶, и, следовательно, может возникнуть бесчисленное множество форм государственности.

Отличительной чертой политико-правовых взглядов Милюкова является признание закономерности исторического процесса, существующей вне зависимости от познающего субъекта. «Мы понимаем закономерность исторических явлений, — писал он, — совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы, т. е. как объективно существующую реальность»⁷. Закономерность находит свое выражение во внутренней тенденции, присущей всякому обществу, и для всякого общества одинаковой, и определяет, по Милюкову, характер сходства в основном ходе развития. Важно отметить, что закономерность исторического процесса он понимал достаточно широко, подводя под это понятие не только единообразие в ходе развития, но и отступления от него. Он писал, что внутренняя тенденция социального процесса есть только отвлеченная возможность. Чтобы перейти ей из возможности в действительность, эта тенденция должна «преломиться в призме реальных условий исторической жизни»⁸.

Придавая важное значение необходимости выявления внутренней закономерной тенденции исторического процесса, Милюков предостерегал от придания ей слишком исключительного значения при объяснении реальных исторических явлений. В закономерность исторического процесса им включалась деятельность человеческой личности. Он связывал закономерность с существованием «истинного монистического мировоззрения», смысл которого он усматривал в признании равнозначности факторов общественного развития.

Видный нелиберальный деятель выступал против одномерного, упрощенного толкования исторического процесса, которое, по его мнению, содержалось, например, в экономическом или историческом материализме, который он считал одним из самых худших видов монизма, сводящих весь ход

исторического развития к экономическому фактору. Милюков был против того, чтобы закономерное объяснение социальных явлений сводилось к одному экономическому фактору. Он считал, что экономический материализм сыграл важную, но временную роль. «Для собственного, вполне научного социологического объяснения, основной принцип экономического материализма оказался слишком узок и догматичен... Исторический материализм не должен видеть внутри исторического процесса дуализма духа и материи, психического и физического, для него есть только единое целое, единое социальное, и это единое с философской точки зрения есть психическое. В общественной жизни „психическое“ зависит от другого „психического“ в виде экономики, социальной среды», — утверждал Милюков⁹.

По нашему мнению, нельзя упускать из вида парадигму многофакторного понимания развития общества, в рамках которой Милюков принципиально возражал против классификации общественных факторов, деления их на важные и второстепенные. «Нет причин главных и необходимых, случайных и второстепенных. Есть только причины с более или менее широким кругом действия, причем ни об одной категории причин нельзя утверждать заранее, как широка или ограничена окажется среда их влияния»¹⁰. Включая географическую среду в «содержание закона общественного развития» и превращая ее в одну из исторических сил, создающих и направляющих человеческое общество, Милюков ставил в зависимость от географической среды развитие производительных сил. Он подчеркивал, что зависимость внутреннего процесса от среды «уменьшается по мере овладения человеческими силами природы, то есть по мере приближения от прошлого к настоящему»¹¹.

Видоизменяющее значение среды Милюков не ограничивал влиянием месторазвития в тесном смысле этого слова. Соседство с другими странами, передвижение, завоевания составляют «новую причину», влияющую на ход исторического развития. К этому добавлялись влияние всемирной торговли, урожайность и т. д. «Каждая страна окружена теми или другими определенными народами и государствами. Это соседство со-

⁶ Там же. С. 16–17.

⁷ Там же. Т. II. СПб., 1902. С. 2.

⁸ Там же. С. 8, 10.

⁹ Там же. Т. II. С. 3.

¹⁰ Там же. Т. I. С. 14.

¹¹ Там же. С. 54.

ставляет новую причину, видоизменяющую ход государственного развития». Он считал, что под влиянием данных географических, климатических, почвенных и других условий, основное направление исторической жизни может разнообразиться до бесконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможных вариаций одну и ту же подкладку¹².

Как писал А.А. Кизеветтер: «П.Н. Милюков последовательно рассматривает одну сторону жизни за другой, дает эволюцию каждой из сторон экономической жизни; эволюцию государственного устройства и права, эволюцию социальных отношений, духовной культуры, то было яркое выступление против тогдашних увлечений марксистской идеологией»¹³.

В вопросах методологии исследования закономерностей развития общества, государства и права, по мысли Милюкова, для людей, стремящихся к достижению научной истины, противопоставление духовных и материальных факторов, их роли в процессе общественного развития является анахронизмом. «Вопрос о том, какие из сторон общественной жизни — экономика, политика или идеология — можно считать первичными, основными, а какие вторичными, производными, является бесплодным», — отмечал Милюков. Идеалистическое и материалистическое решение вопроса он провозглашал одинаково односторонним. Он выступал за то определение, в котором духовное различие рисуется независимым от материальной основы общества и прогрессирующим по своим собственным законам.

«Теория контраста» Милюкова была построена на основе признания экономического фактора определяющим и для русской, и для европейской истории государственности. В основу изучения западного и европейского исторических процессов им был положен единый критерий — степень развития «экономического фундамента»: для стран Запада высокий, для России — «элементарный». Таким образом, милюковские позиции в этом вопросе, т. е. в вопросе отношения к «экономическому материализму», были противоречивы. Он выступал против установления жесткой детерминированности в объяснении процесса возникновения государства

экономическим фактором и в то же время придавал экономическому фактору важное и даже определяющее значение в истолковании социальной и политической истории любого государства. Следовательно, он по собственному утверждению, «нисколько» не отрицал зависимость политической надстройки от экономического фундамента. Более того, применительно к России эту зависимость он считал особенно «выразительной». Если на Западе, по его мнению, общественная организация обусловила государственный строй, то в России «элементарное состояние экономического фундамента вызвало гипертрофию государственной „надстройки“ и определило сильное обратное воздействие этой „надстройки“ на самый „фундамент“»¹⁴.

Как показывает содержание многих работ Милюкова, среди всех условий, создающих среду для реализации внутренней тенденции, ведущую и главную роль в образовании и развитии государства и права он отводил народонаселению, демографическим процессам. Одним из исходных теоретических положений явился тезис о том, что не существует никакого закона о развитии народонаселения, приложимого ко всем периодам государственной жизни. Он считал, что существует два типа стран, где обозначились определенные закономерности. В странах с низким благосостоянием и слабым развитием индивидуальности, с наличием неизрасходованных источников жизненных средств (незанятые земли) возрастание населения будет наиболее значительным. В странах с высокой степенью благосостояния населения, где личность имеет больший простор для развития, а производительность труда может быть увеличена искусственными средствами, прирост населения затормозится. Россия, по его мнению, соответствовала первому типу стран.

Демографические процессы, как в России, так и в Европе он рассматривал в совокупности и обусловленности этнографического состава населения и колонизации, считал необходимым учитывать время заселения территорий, отмечая затянувшийся характер всех этих явлений в России в сравнении с западноевропейскими. Вслед за М.М. Ковалевским, он считал природу численности населения существенным, если не решающим фактором общественной жизни. «От коли-

¹² Там же. С. 55.

¹³ Кизеветтер А.А. О Милюкове — историке // Сборник материалов по поводу чествования его 70-летия. Париж, 1929. С. 49–50.

¹⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. I. С. 133–134.

чества населения в стране зависит степень экономического развития данной страны. Чем гуще население известной местности, тем больше труда сможет проявить население, тем лучше оно сможет скопить сбережения, необходимые для того, чтобы создать или улучшить орудия и с их помощью извлечь наибольшую пользу», — утверждал он¹⁵. Далее он писал, что напряженность труда, прилагаемая к данной единице площади, необходимо будет возрастать по мере увеличения населения. Вместе с увеличением количества труда явилась даже необходимость изменить его форму¹⁶. Правда, следует заметить, что влияние прироста населения в обществе заключалось в рамки лишь сферы хозяйства, экономики. Следует отметить, что неолиберал не ограничивал, однако, содержание исторического процесса действием двух определяющих факторов — внутрен-

ней закономерностью и связанной с ней средой, в которой развивается общественная и государственная жизнь. Третьим фактором, определяющим ход исторического процесса, развития государства, выступала личность, и в этом состояла новизна его подхода к оценке роли личности в истории.

Итак, воззрения Милюкова на процесс развития государства в России зиждились на достаточно солидной базе. К числу констант его взглядов относятся: характеристика государственной жизни как процесса развертывания внутренней тенденции, а также исторической закономерности на основе взаимодействия различных природных, социальных и духовных факторов, включая деятельность личности. Особенно значительным представляется стремление Милюкова преодолеть однофакторное объяснение общественного и государственного развития и создать его многомерную картину, в которой экономика, народонаселение, географический фактор и человек занимают соответствующее его воззрениям место.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 22–23.

Литература

1. ГА РФ. Ф. 579 (фонд Павла Николаевича Милюкова). Оп. 1. Д. 3405. Лекции № 2–4.
2. Кизеветтер А.А. О Милюкове — историке / А.А. Кизеветтер // Сборник материалов по поводу чествования его 70-летия. (библ. трудов, сост. Б. Евреинов). Париж, 1929.
3. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры / П.Н. Милюков. Т. 1. Ч. 1. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1909. 316 с. ; Т. 1. Ч. 2. СПб. : Мир Божий, 1905. 402 с. ; Т. 1. Ч. 3. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1909. 424 с.
4. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П.Н. Милюков. М. : Прогресс. Культура, газ. Труд, 1993. Т. 1. 527 с. ; Т. 2. 1994. 491 с. ; Т. 3. 1995. 477 с.
5. Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX — начало XX вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 382 с.

Современные белорусские либералы о революционных событиях 1917 г. и попытке создания Белорусской Народной Республики

*Гронский Александр Дмитриевич,
ведущий научный сотрудник
Центра постсоветских исследований
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук
gronskiy@list.ru*

В статье анализируются взгляды белорусских либералов на Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. и образование Белорусской Народной Республики в 1918 г.

Ключевые слова: Белорусский либерализм, революция 1917 г., Белорусская Народная Республика.

Contemporary Belarusian Liberals on Revolutionary Events of 1917 and Attempt at Creation of the Belarusian People's Republic

*Gronsky Aleksandr D.,
Leading Research Scientist of the Center for Post-Soviet Studies
of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences*

The article analyzes the views of Byelorussian liberals on the February and October Revolutions of 1917 and the formation of the Byelorussian People's Republic in 1918.

Key words: Byelorussian liberalism, the 1917 Revolution, Byelorussian People's Republic.

К событиям периода революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны различные политические силы относятся по-разному. Естественно, что наиболее непримиримые противники, стоящие на противоположных позициях, — это коммунисты и монархисты (но последние существуют не во всех республиках бывшего СССР). По поводу событий Гражданской войны спорят не только вышеназванные силы, но еще и националисты, для которых «парад суверенитетов», произошедший после Октябрьской революции, дает повод говорить о зарождении или восстановлении (если миф о собственном древнем государстве существует) собственной национальной государственности. Однако, помимо перечисленных политических сил, существуют и другие, которые так-

же определяют свое отношение к событиям 1917 г. и последующей за ними Гражданской войны. В частности, представляется интересным проследить, как оценивают революцию и попытку объявить в 1918 г. Белорусскую Народную Республику (БНР) современные белорусские либералы.

При изучении взглядов современных белорусских либералов сначала необходимо выявить, кто таковым является на политическом поле государства. Оказалось, что это представляет определенную проблему. Так, в 2013 г. в Минске в «Либеральном клубе» прошла панельная дискуссия, которая подняла вопрос «что значит „быть либералом“ и как не запутаться в терминах?» Директор по исследованиям «Либерального клуба» Е. Прейгерман указал на то, что «по поводу либера-

лизма у населения и даже у экспертного общества в головах сложилась настоящая каша. Причем это не только наша проблема». Даже на Западе в разных странах либералами называют разные силы¹. Такая ситуация, по мнению Е. Прейгермана, произошла по причине того, что сама терминология либерализма достаточно запутана, а также есть люди, которые проводят «намеренные действия по дискредитации и очернению либеральных идей».

Другие эксперты указали на то, что проблемы с бытованием либерализма наблюдаются как в России, так и на Западе, где уже существуют сложности с демократией, происходит эрозия свободы². В Белоруссии есть силы, которые называют себя либералами и которые определяются как либералы другими участниками политического процесса. Однако нужно заметить, что не все политические эксперты могут говорить о либерализме того той или иной партии однозначно. Иногда мнения расходятся по причине того, что либерал определяется по разным критериям.

Учитывая полемику по поводу того, кто же такие либералы и что же такое либерализм, выделим две белорусских политических силы — Либерально-демократическую (ЛДП) и Объединенную гражданскую (ОГП) партии. Поскольку в названии первой упоминается либерализм, а лидера Объединенной гражданской партии А.В. Лебедько журналисты называют либералом³. Его бывший заместитель Я.Ч. Романчук, в 2011 г. вышедший из партии, был назван представителем либеральной мысли⁴. Причем ЛДП рассматривается иногда как пропрезидентская сила, а иногда как конструктивная оппозиция. ОГП однозначно относится к оппозиции. Взгляды на революцию 1917 г. и объявление Бело-

русской Народной Республики представителей именно этих политических сил мы будем рассматривать.

У белорусских либерал-демократов существует свое отношение к Февральской революции 1917 г. Это отношение в ноябре 2016 г. высказал заместитель председателя партии О. Гайдукевич, который заявил, что «период с февраля по октябрь 1917 года очень важен для построения белорусского государства. В эти считанные месяцы начались необратимые процессы в политической жизни белорусов. Такого никогда не было ранее. Создание собственной страны стало не мечтой, а реальностью. На пути оказалось еще множество барьеров, пролилось много крови, но февраль 1917-го дал старт»⁵. Также С. Гайдукевич напомнил, что в 2017 г. исполнилось 100 лет «со дня заявления белорусов о стремлении построить собственную государственность. В апреле 1917 года наши предки заявили, что белорусы имеют национально-политические интересы и готовы их отстаивать. Соответствующий документ подписал председатель Белорусского национального комитета Роман Скимунт»⁶.

Таким образом, по мнению либерал-демократов, именно Февральская революция начинает отсчет построения белорусской государственности. Однако однозначно положительная оценка февральским событиям не дается. Тем не менее любая критика Февральской революции отсутствует.

Октябрьская революция получила в заявлениях партийных функционеров гораздо более частое звучание. Так, в 2007 г. лидер партии С. Гайдукевич (отец О. Гайдукевича) заявил, что «такого праздника, как день Октябрьской революции, для него, равно как и для подавляющего большинства белорусов, не существует», поскольку коммунистический период оказался «тупиковой веткой развития», но есть люди, которые этого не замечают. Но самый главный белорусский либерал-демократ выступил против отмены 7 ноября как государственного праздника

¹ Корф В. Определимся с понятиями в белорусской политике: что значит «быть либералом» и как не запутаться в терминах? [Электронный ресурс] // URL: <http://liberalclub.biz/%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D1%81%D1%8F-%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8-%D0%B2-%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE-2/> (дата обращения: 15.08.2017).

² Там же.

³ Макаркин А. Белорусская оппозиция перед президентскими выборами [Электронный ресурс] // URL: <http://politcom.ru/10667.html> (дата обращения: 12.07.2017).

⁴ Корф В. Указ. соч.

⁵ Гайдукевич О. Вчера и сегодня. Октябрь 1917-го в белорусском контексте [Электронный ресурс] // URL: <http://naviny.by/article/20161106/1478420267-oleg-gaydukevich-vchera-i-segodnya-oktyabr-1917-gov-beloruskom> (дата обращения: 15.07.2017)

⁶ Независимость — факел, освещающий путь народа [Электронный ресурс] // URL: <http://ldp.by/ru/informatsiya/nezavisimost-fakel-osveshhayushhij-putnaroada/> (дата обращения: 15.07.2017)

Белоруссии⁷. Позже сын основателя партии и одновременно его заместитель О. Гайдукевич от имени всей партии высказался однозначно против празднования 7 ноября: «Либерально-демократическая партия призывает отменить празднование Октябрьской революции по причине ее губительного, разрушительного характера. Скажем честно, люди якобы рады 7-му ноября, но только лишь из-за выходного. Смысловой нагрузки сам праздник давно не несет [...]»⁸. Понимая, что с отменой празднования 7 ноября люди лишаются выходного, О. Гайдукевич предлагает «выбрать другую дату, действительно созидательную для народа Беларуси».

Также О. Гайдукевич указывает, что с правой точки зрения события октября 1917 г. являются государственным переворотом и первым шагом к «кровопролитной Гражданской войне». Рабочие не получили обещанных большевиками заводов, а крестьяне — земли, большевики «учинили красный террор, сдали интересы России на международной арене, выйдя из Первой мировой войны на унижительных условиях», «умыли народы кровью, опустошили души, так надругались над культурно-духовным наследием. Строили „новый мир“, ломали и крушили». Также большевикам ставится в вину разделение Белоруссии по Рижскому мирному договору 1921 г., когда западная часть нынешней Белоруссии вошла в состав Польши. Сама же революция была названа «зловещим Октябрем». «Одним словом, развалили все, что могли», — подытожил О. Гайдукевич⁹. Чтобы еще рельефно показать, почему современные белорусы должны негативно относиться к Октябрьской революции, О. Гайдукевич заявил: «Надо помнить, что сразу после Октябрьских событий большевистские лидеры не признавали белорусов как нацию»¹⁰. На самом деле лидеры большевиков признавали белорусов как нацию, хотя среди руководителей рангами пониже были и те, кто не видел отличий великорусов и белорусов.

Либеральные демократы нашли достаточно изящное объяснение тому, почему к Октябрьской революции нужно относиться отрицательно. Они сравнили ее с цветными

революциями на постсоветском пространстве. «Нельзя продолжать дальше культивировать ложные идеалы Октября 1917 года, — утверждает О. Гайдукевич. — Вот чему учат коммунисты? Не нравится власть, считаешь её слабой, несправедливой — твори революцию!? Во многом коммунисты виноваты, что на постсоветском пространстве так модны революции». Более того, О. Гайдукевич указывает, что «с одной стороны революцию культивируют, а с другой стороны говорят, что другие революции плохие»¹¹. Правда, Февральская революция такого негативного сравнения с цветными революциями не получила. Для белорусских либерал-демократов революция есть явление разрушительное, а не созидательное, поэтому «ЛДПБ призывает молодежь Беларуси ни в коем случае не брать пример с Октября 1917 года. Из-за этих дурацких революций страдает сам народ. Самим приходится останавливаться в развитии и восстанавливать все с нуля. И это еще полбеды, ведь завод, деревню, даже город можно возродить, а жизнь человеческую не вернуть»¹².

Также партия высказывалась и по поводу объявления в 1918 г. БНР. О. Гайдукевич уверен, что «неудавшаяся попытка осуществить проект Белорусской Народной Республики повлекла за собой создание Советской Беларуси. БНР, как политический фактор, сыграл в пользу признания большевиками государственных прав белорусов»¹³, а партия воспринимает образование БНР положительно, но требует освободиться от мифов, которые сложились вокруг этого события. Политик отвечает на вопрос, почему объявленная в 1918 г. белорусская государственность так и осталась на уровне декларации. Признавая, что БНР была объявлена «с лучшими стремлениями», О. Гайдукевич тем не менее однозначно требует убрать из перечня национальных героев создателей БНР, которые не смогли осуществить реальный государственный проект по причине того, что они были «дилетантами и любителями» и именно это «дилетантство и любительство сгубило Белорусскую Весну». О. Гайдукевич считает, что только небольшая группа в правительстве БНР, которая ориентировалась на Р. Скимунта, могла бы реализовать белорусскую государственность, но в результате

⁷ Спасюк Е., Рахлей М. 7 ноября — выходной день календаря [Электронный ресурс] // URL: <https://news.tut.by/society/97596.html> (дата обращения: 12.07.2017).

⁸ Гайдукевич О. Указ. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

внутреннего конфликта в правительстве Р. Сकिрумунт потерял влияние¹⁴. В самом деле, вряд ли Р. Скирумунт мог что-нибудь сделать для становления белорусской государственности. Ведь БНР была проектом без будущего.

О. Гайдукевич для положительной оценки БНР использует уже устоявшийся в белорусском дискурсе штамп о том, что, если объявление БНР вынудило большевиков создать БССР, которая якобы была противовесом «буржуазной» государственности. В частности, он пишет: «Можно говорить, что БССР — контраргумент БНР. В любом случае был запущен маховик строительства белорусской государственности. В сложных, неоднозначных условиях. Как известно, неординарные времена требуют неординарных поступков»¹⁵. Однако, если анализировать источники, можно сделать вывод, что большевики были готовы создать белорусскую государственность практически сразу после Октябрьской революции. Поэтому объявление БНР не играло никакой роли в появлении БССР. Так, нарком по делам национальностей И. Сталин заявлял: «Все равно большевики организуют Союз республик, и в нем Белоруссия займет место самостоятельного советского государства»¹⁶.

Белорусские провластные либералы не против, чтобы 25 марта праздновалось как принятие декларации о независимости БНР в 1918 г. Но этот день, как и 7 ноября, не должен быть государственным праздником. Так, О. Гайдукевич заявил: «25 марта — большое историческое событие, и если коммунисты имеют право праздновать день рождения Ленина и день Октябрьской революции, то и другие граждане имеют законное право праздновать день образования БНР»¹⁷.

Оппозиционные либералы также высказывались по вопросам революции и создания БНР. Но какие-то рассуждения, посвященные конкретно Февральской революции, оппозиционных либералов, видимо, мало интересуют. Они чаще всего обращают внимание на Октябрьскую революцию. В частности, на сайте Объединенной гражданской партии М. Пастухов попытался рассмотреть, как оценивалась бы Октябрьская революция «с позиции действовавшего в царской России законодательства». Он дает однозначный ответ: «незаконный захват государственной власти путем использования вооруженной силы». Также он попытался применить к юридической оценке Октябрьской революции современные белорусские законы. Последнее должно лишиться раз подтвердить, что действия большевиков в октябре 1917 г. незаконны с современной точки зрения. Но интересно то, что у М. Пастухова, как и у многих людей, видимо, путаются Октябрьская и Февральская революции, ведь, чтобы оценить большевиков в октябре 1917 г., нужно помнить, что «царской России» уже не существовало несколько месяцев. Встает вопрос: действовали ли в октябре 1917 г. имперские законы, чтобы именно по ним можно было оценивать большевистскую революцию? Далее М. Пастухов указывает, что после революции начались негативные процессы: «"красный террор", высылка и бегство богатых людей и интеллигенции, гражданская война, экспроприация ценностей, раскулачивание крестьянства, набирающие обороты политические репрессии». М. Пастухов напоминает, что, помимо всем известного сталинского террора, был еще и ленинский, но при иллюстрации репрессивной политики большевиков все равно используются именно цифры периода сталинских репрессий.

М. Пастухов заявляет, что Днем примирения 7 ноября стать не может, так как примиряться — значит прощать палачей, которые прощения не заслуживают, поэтому необходимо признать эту дату Днем всенародной скорби и памяти жертв советских репрессий (что предлагала оппозиция), а также «Днем покаяния перед убитыми и замученными властью». «Пришло время отказать от советского прошлого, его памятников, учения,

¹⁴ Гайдукевич А. Дзень Волі. Ад БНР да Незалежнай Беларускай Дзяржавы [Электронный ресурс] // URL: http://naviny.by/rubrics/opinion/2015/03/24/ic_articles_410_188532 (дата обращения: 13.07.2017).

¹⁵ Гайдукевич О. Вчера и сегодня...

¹⁶ Цитата по: Гигин В. Мога ли состояться БССР в 1917 г.? // Беларуская думка. 2009. № 12. С. 64.

¹⁷ Олег Гайдукевич призвал задерживать еще больше [Электронный ресурс] // URL: https://chinovniki.info/%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B9/1321/%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B3_%D0%B3%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D1%83%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BB_%D0%B7%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D0%B5%D1%89%D1%91_%D0

[%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B5.html](#) (дата обращения: 14.07.2017).

дел. Пора начинать новую жизнь», — призывает М. Пастухов¹⁸.

Проблемы с подменой Февральской революции Октябрьской существуют не только у М. Пастухова. Так, В. Корбалевиц пишет: «...главный тренд нынешней российской политики — великодержавная идея величия России, возрождение имперской идеологии. А Октябрьская революция разрушила великую империю»¹⁹. Но империю разрушила не Октябрьская, а Февральская революция. Октябрьская революция разрушила Российскую республику.

Достаточно резко о событиях 1917 г. отзывается член ОГП, кинорежиссер Ю. Хашчеватский, который весной 2014 г., объясняя события на востоке Украины, заявил, «что в Украине сейчас действует та же самая гопота, которая действовала в 1917 году в России». При этом он добавил: «А в Беларуси эта гопота у власти почти 20 лет»²⁰. Но проблема в том, что, если воспринимать майдан-2014 как революцию, тогда на востоке Украины случилась контрреволюция, и проводить аналогии надо не с «гопотой», которая штурмовала Зимний дворец, а со стихийными антибольшевистскими выступлениями крестьян или рабочих в провинции.

Провозглашение Белорусской Народной Республики для либеральной оппозиции так же, как и для провластных либералов, — событие достаточно значимое, хотя для оппозиции провозглашение БНР намного более весомое явление. Ведь именно оппозиция в день объявления независимости БНР проводит ежегодные шествия, получившие название День воли.

В 2015 г. в Могилеве члены ОГП решили возложить цветы к мемориалу борцам за советскую власть. Этот шаг был преднамеренным, чтобы показать, что реальная власть в данный момент находится не у местных советов и за советы надо бороться. Тем не менее выступавшие говорили и про БНР. Как указал сайт ОГП: «Выступавшие отметили,

что прошло 97 лет, а лозунг „Мы — не часть царской России“ продолжает быть актуальным и сейчас. Была высказана уверенность, что у нас в стране есть здоровые силы, что мы не часть царской России с названием Белоруссия, мы суверенная Республика Беларусь, нам дороги европейские ценности, и наша страна в скором будущем станет европейским государством»²¹. Выступавшие, видимо, не слишком понимали, что «царская Россия» прекратила свое существование в начале марта 1917 г., а независимость БНР была объявлена в конце марта 1918 г., т. е. между «царской Россией» и объявлением БНР прошло более года.

В мае 2016 г. рядом оппозиционных сил, в том числе и либералов, была подписана «Декларация в поддержку независимости Беларуси», в которой указывалось: «Республика Беларусь стала правопреемницей не только и не столько Белорусской Советской Социалистической Республики, входившей в состав СССР, сколько Белорусской Народной Республики (БНР), которая была провозглашена 25 марта 1918 года... БНР просуществовала всего несколько месяцев как декларация намерения белорусского народа построить свое независимое государство. Это стремление белорусов было задушено большевиками, создававшими советское государство, а по сути — возрождающими Российскую империю в более жестокой, тоталитарной форме»²². О преемственности современному белорусскому государству в первую очередь от БНР, а не от БССР вряд ли можно говорить серьезно, ведь с идеей преемственности от БНР была согласна в основном оппозиция. Официальная власть даже в краткий период отсутствия поста президента, если и транслировала идею преемственности от БНР, то не слишком заметно, а с середины 90-х гг. XX в. вести преемственность от БНР продолжала лишь оппозиция. Так что эти заявления стоит признать лишь мнением небольшой группы лиц. В реальности после Декларации о государственном суверенитете Белоруссии 27 июля 1990 г. и при-

¹⁸ Пастухов М. 7 ноября — черный день календаря [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/society/pastukhov-7-noyabrya-chnyj-den-kalendarya> (дата обращения: 13.07.2017).

¹⁹ Корбалевиц В. Імпэрскі рэнасанс [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/world/imperski-renesans> (дата обращения: 13.07.2017).

²⁰ Хашчеватский Ю. Мы можем защитить Беларусь от российской гопоты [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/society/khashchevatskij-my-mozhem-zashchitit-belarus-ot-rossijskoj-gopoty> (дата обращения: 13.07.2017).

²¹ Мы — не часть царской России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/partynews/my-ne-chast-tsarskoj-rossii> (дата обращения: 13.07.2017).

²² Лидеры оппозиции подписали Декларацию в поддержку независимости Беларуси [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/politics/lidery-oppozitsii-podpisali-deklaratsiyu-v-podderzhku-nezavisimosti-belarusi> (дата обращения: 13.07.2017).

дания 25 августа 1991 г. этой Декларации статуса конституционного закона никто не пытался создать некое подобие БНР, в целом всех устраивал республиканский механизм (но без КПСС), который действовал при СССР.

Мифология, сложившаяся вокруг БНР, продолжает транслироваться и сегодня. Так, сайт ОГП перепечатал статью о праздновании Дня воли. Причем название статьи достаточно амбициозное — «Белорусы празднуют день воли»²³. Однако оппозиция любит говорить от имени всех, но сама имеет не такую большую поддержку, что постоянно фиксируют опросы негосударственных социологических служб. Более корректно было бы говорить, что не белорусы, а именно оппозиция празднует День воли. Под белорусами всё же стоит понимать большинство, которое День воли воспринимает лишь как акцию оппозиции. В статье говорится, что «правительство БНР приложило немало усилий для организации национальных институтов» — объявлялся государственный статус белорусского языка, открывались школы, культурно-образовательные общества и театры, издательства, выходили белорусские газеты, велась работа по открытию университета. Часть этих инициатив, безусловно, была создана стараниями правительства БНР, но другая часть была создана ранее без участия правительства БНР и на немецкие деньги. В частности, именно немцы открыли белорусскую учительскую семинарию и создали белорусские военизированные формирования (оказавшиеся абсолютно небоеспособными)²⁴.

Также в заслугу БНР ставится то, что местные власти «сумели создать силы, которые на протяжении десятилетия вели партизанскую борьбу с коммунистами». В этом случае, видимо, имеется в виду организация «Зеленый дуб», которая выступала с лозунгами независимости Белоруссии, но поддерживалась и направлялась польской разведкой. Более того, в качестве борьбы, которая приняла «угрожающую для советской власти форму», упоминается попытка оказания в 1920 г. белорусскими националистами в

Слуцке вооруженного сопротивления наступающей Красной армии. Однако в реальности после нескольких боев белорусские войска попросту ушли на территорию Польши. Помимо всего, еще одной «угрозой» для советской власти оппозиция считает «широкую поддержку белорусами похода генерала Булак-Балаховича на Полесье». Если учитывать, что на Полесье отряды Булак-Балаховича кроме массовых еврейских погромов ничем не прославились, становится странным, почему это выдается за сопротивление белорусов советской власти. По мнению авторов публикации, «независимость нашей страны признал ряд европейских государств». Перечень государств в тексте закономерно отсутствует, потому что на самом деле ни одна страна БНР не признала, хотя со стороны БНР попытки добиться признания были. В тексте также присутствует стандартная для белорусского дискурса идея о том, что, если бы не БНР, тогда бы большевики не провозгласили бы БССР.

Тем не менее, несмотря на явные странности в понимании того, как происходили события в 1917–1918 гг., беспричинном обвинении «царской России» в тех событиях, которые произошли после ее исчезновения, лидер ОГП А. Лебедько, говоря о дате очередной годовщины объявления независимости БНР, сказал: «День Воли — это праздник пока еще не всей страны, пока еще не подавляющего большинства граждан Беларуси, но это праздник умных, образованных, талантливых, перспективных, думающих белорусов»²⁵. Получается, что нестыковки в хронологии и незнание исторических фактов это и есть признак «образованных и думающих» людей, или все же это праздник тех, кто верит в сформированный националистами миф о первой белорусской республике?

В целом отношение как провластных, так и оппозиционных белорусских либералов к событиям 1917–1918 гг. практически ничем не отличается. О Февральской революции говорится вскользь. Октябрьская революция оценивается однозначно негативно. Попытка объявить белорусскую государственность в 1918 г. на оккупированной немцами территории воспринимается в принципе положитель-

²³ Белорусы святкуюць Дзень Волі [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/society/belarusy-svyatkuyuts-dzen-voli> (дата обращения: 13.07.2017).

²⁴ Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 415, 418.

²⁵ Лебедько: «День Воли — это праздник думающих белорусов» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/society/lebedko-den-voli-eto-prazdnik-dumayushchikh-belorusov> (дата обращения: 13.07.2017).

но провластными либералами и сугубо положительно их оппозиционными коллегами. Однако оппозиционные либералы чаще, чем провластные оперируют политическими ми-

фами об угрозе, которую несла «царская Россия», используя ее образ даже в тех случаях, когда речь идет о событиях после Февральской революции.

Литература

1. Гайдукевич О. Вчера и сегодня. Октябрь 1917-го в белорусском контексте / О. Гайдукевич [Электронный ресурс] // URL: <http://naviny.by/article/20161106/1478420267-oleg-gaydukevich-vchera-i-segodnya-oktyabr-1917-go-v-belorusskom> (дата обращения: 15.07.2017).
2. Гайдукевич А. Дзень Волі. Ад БНР да Незалежнай Беларускай Дзяржавы / А. Гайдукевич [Электронный ресурс] // URL: http://naviny.by/rubrics/opinion/2015/03/24/ic_articles_410_188532 (дата обращения: 13.07.2017).
3. Гигин В. Могла ли состояться БССР в 1917 г.? / В. Гигин // Беларуская думка. 2009. № 12. С. 62–71.
4. Карбалевіч В. Імпэрскі рэнэсанс / В. Карбалевіч [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/world/imperski-renesans> (дата обращения: 13.07.2017).
5. Корф В. Определимся с понятиями в белорусской политике: что значит «быть либералом» и как не запутаться в терминах? / В. Корф [Электронный ресурс] // URL: <http://liberalclub.biz/%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D1%81%D1%8F-%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8-%D0%B2-%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE-2/> (дата обращения: 15.08.2017).
6. Макаркин А. Белорусская оппозиция перед президентскими выборами / А. Макаркин [Электронный ресурс] // URL: <http://politcom.ru/10667.html> (дата обращения: 12.07.2017).
7. Пастухов М. 7 ноября — черный день календаря / М. Пастухов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/society/pastukhov-7-noyabrya-chernyj-den-kalendarya> (дата обращения: 13.07.2017).
8. Спасюк Е. 7 ноября — выходной день календаря / Е. Спасюк, М. Рахлей [Электронный ресурс] // URL: <https://news.tut.by/society/97596.html> (дата обращения: 12.07.2017).
9. Хащеватский Ю. Мы можем защитить Беларусь от российской гопоты / Ю. Хащеватский. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucpb.org/news/society/khashchevatskij-my-mozhem-zashchitit-belarus-ot-rossijskoj-gopoty> (дата обращения: 13.07.2017).

Политические взгляды либералов Европейского Севера России начала XX в. на реформирование государственного устройства

*Егоров Андрей Николаевич,
заведующий кафедрой истории и философии
Череповецкого государственного университета,
доктор исторических наук, доцент
anegorov@mail.ru*

В статье рассматриваются политические взгляды на реформирование государственного устройства и тактическая линия кадетов Европейского Севера России в годы революции 1905–1907 гг. Для провинциальных либералов отдаленность от центра являлась дополнительным импульсом для поиска лозунгов и формул, которые могли бы снискать симпатии местного населения. Поэтому провинциальные кадетские организации подробно рассматривали партийную программу и вносили разнообразные уточнения и дополнения, как правило, в радикальном духе. Показано, что провинциальные либералы по многим вопросам занимали левые позиции в кадетской партии, выступали за сотрудничество с умеренными социалистами, решительно отвергали соглашения с правыми либералами октябристского толка. Отмечаются разнообразные контакты между кадетами и социалистами, сотрудничество между ними по ряду вопросов политической деятельности, прежде всего в избирательных кампаниях. Показано негативное отношение кадетских организаций Европейского Севера России к роспуску I Государственной Думы. На своих собраниях кадеты приняли резолюции с резким осуждением решения властей и призывом к народу оказать поддержку Думе. Подобная позиция провинциальных либералов во многом объясняет радикальный настрой кадетского руководства, исключавший разумный компромисс с властью.

Ключевые слова: конституционно-демократическая партия, либерализм, российская провинция, государственный строй, реформы, партийная борьба.

Political Views of Liberals of European North of Russia in Early XX Century on State Structure Reforming

*Egorov Andrey N.,
Head of the Department of History and Philosophy
of the Cherepovets State University,
Doctor of History, Assistant Professor*

The article discusses political views on the reform of the state apparatus and tactical line of the cadets of the European North of Russia during the revolution of 1905–1907. For the provincial liberals the distance from the center was an additional impetus for finding slogans and formulas that could win the sympathy of the local population. Therefore, the provincial cadet organization had a detailed discussion of the party program, and made various corrections and additions, as a rule, in the radical spirit. It is shown that the provincial liberals on many issues has held left-wing positions in the cadet party, advocated cooperation with the moderate socialists, strongly rejected the agreement with the right-wing liberals octabriscoe. Observed a variety of contacts between the cadets and the socialists, cooperation between them on several issues of political activities, especially in election campaigns. Shows the negative attitude of the cadet organizations of the European North of Russia to the dissolution of the State Duma. In their meetings the cadets of the adopted resolutions condemned the government's decision and calling for people to support the Duma. This position is part of the provincial liberals largely explains the radical attitude of the cadet leadership, preclude a reasonable compromise with the government.

Key words: constitutional democratic party, liberalism, Russian province, political system, reform, party struggle.

В современной историографии часто встречаются упреки в адрес кадетской партии за излишний радикализм в годы Первой российской революции, который исключал разумный компромисс с властью и способствовал росту революционных настроений. Для понимания причин радикального настроения кадетского руководства мы должны ясно представлять политические взгляды провинциальных кадетских организаций, во многом определявшие курс ЦК Партии народной свободы.

В 1905 г. на Европейском Севере России (Архангельская, Вологодская, Олонецкая и Новгородская губернии) стали возникать организации кадетской партии. Они не отличались большой численностью и активностью, но тем не менее сыграли заметную роль в общественно-политической жизни региона. Политические взгляды провинциальных кадетов отражали умонастроения весьма значительных кругов интеллигенции, средних городских слоев, деятелей местного самоуправления. Наиболее ярко политические взгляды либералов проявлялись во время их партийных собраний, которые зачастую превращались в довольно значимые события для небольшого провинциального города. Кадетские партийные собрания чаще всего были открытыми, вызвали немалый интерес (особенно в период выборов в Государственные думы), в их работе участвовали различные группы населения: мелкие чиновники, служащие земств и городских дум, учащая молодежь, приказчики, купцы, женщины, иногда крестьяне. На собрания приходило до двух-трех сотен человек, т.е. значительно больше, чем членов партии.

Кадетские собрания неоднократно посещали и представители других партий — как революционных (в основном, эсеров), так и правых. Поэтому зачастую собрания носили характер ожесточенных дискуссий. Так, в докладе начальника Архангельского губернского жандармского управления в Департамент полиции отмечается, что на кадетских собраниях ораторы правых партий «вызывают в среде присутствующих, как аплодисменты, так и шумные протесты с требованием замолчать»¹. Закрытые собрания кадеты проводили нечасто, в основном на них обсуждались организационные вопросы и тактика избирательной кампании.

Вологодские кадеты провели свое первое организационное собрание 21 ноября 1905 г. под руководством председателя Вологодской губернской земской управы В.А. Кудрявого. С докладом выступил земский гласный Н.Я. Масленников, ознакомивший присутствующих с программой партии и проектом устава Вологодской организации. После их обсуждения в кадетскую группу вошло 35 человек. Их политическая позиция ярко выражена в принятом на собрании заявлении в ЦК партии. Вологодская кадетская группа заявляла, что часть ее членов присоединяется к ПНС «не по принципиальным, а чисто тактическим соображениям, чтобы иметь более или менее твердую почву для проведения политических и социальных идеалов в ближайшем будущем». Эти идеалы у многих вологодских кадетов «стоят значительно левее радикальной фракции» кадетской партии, а поэтому «Вологодская группа принимает программу партии как программу-минимум и с некоторыми поправками и дополнениями»². Далее вологодские либералы предлагали внести поправки в программу ПНС в радикальном духе.

На своих собраниях кадеты обсуждали теоретические, тактические и организационные вопросы, ставя их в повестку дня именно в таком порядке. Много внимания кадеты уделяли теоретическим вопросам, расширявшим их кругозор. В крупных, особенно столичных, городах в ПНС входило немало заметных представителей научных кругов, за что кадеты и называли «профессорской» партией. Но в провинции уровень научных знаний среди простых членов партии был невысок. Этим и объясняется разнообразная тематика теоретических вопросов, обсуждавшихся на собраниях ПНС. Например, кадеты Архангельска рассматривали конституционное устройство различных стран, проблемы политической экономии, национальной автономии, разнообразные проекты законодательного народного представительства, обсуждали особенности взаимоотношений власти и народа в России, труды Карла Маркса³.

Обычно партийную программу и идеологию разрабатывают центральные партийные органы, а на местах человек лишь присоединяется к той или иной партии. Но и здесь есть свои особенности. Для провин-

¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 168. Л. 272.

² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 57. Л. 4.

циальных либералов отдаленность от центра стала дополнительным импульсом для поиска лозунгов и формул, которые могли бы снискать симпатии местного населения и обеспечить успех в условиях жесткой политической борьбы. Порой удивляет, насколько подробно провинциальные организации ПНС рассматривали партийную программу, и не просто рассматривали, но и вносили разнообразные уточнения и дополнения.

В важнейшем для реформирования России аграрном вопросе провинциальные кадеты занимали левые позиции в ПНС. Например, кадеты Архангельска высказались за то, чтобы «обнищавшее крестьянство получило наконец землю путем бесплатного отобрания на этот предмет земель казенных, удельных, монастырских и других и принудительного отчуждения земель помещиков за справедливое вознаграждение»⁴. Авнегская кадетская группа ПНС, состоявшая из крестьян, объявила, что если Вологодский губернский комитет ПНС не признает бесплатной раздачи земли крестьянам, то вся группа выйдет из партии⁵.

Вологодские кадеты, рассматривая аграрный вопрос 17 января 1906 г., пришли к выводу, что в интересах справедливости, в интересах «трудящегося люда», требуется, чтобы «вся земельная площадь России находилась в пользовании трудящегося крестьянства, поэтому следует выдать все, что есть, трудящемуся населению и принять меры к развитию фабричной и кустарной промышленности»⁶. В то же время в вопросе о том, каким путем передать землю трудящимся и как быть с помещичьей землей, среди кадетов единого мнения не было. Партийные прения показывают, что кадеты, будучи «городской» партией, просто не разбирались во всех тонкостях аграрного вопроса. Кадетов отличала склонность к излишнему теоретизированию, к сохранению необоснованных мечтаний. На собрании 23 января 1906 г. вологодские кадеты вновь обсуждали аграрный вопрос. В своем выступлении член губернского комитета партии Н.Я. Масленников осудил аграрные проекты эсеров и социал-демократов, подчеркнув, что «нельзя признать экспроприацию земли без выкупа». Он полагал, что «выкуп должен быть совершен за счет государства по справедливой

оценке на основании доходности земли посредством особых комиссий»⁷.

Довольно важным для реформирования России был и национальный вопрос. На кадетских собраниях зимы — весны 1906 г. неоднократно читались доклады об автономии Польши, что не являлось случайностью. Данный пункт программы ПНС вызывал много вопросов, особенно в крестьянской среде. Например, на первом учредительном собрании тотемской группы кадетской партии, 2 января 1906 г., именно национальный вопрос вызвал наибольший интерес, причем подавляющее большинство кадетов отнеслось негативно к идее независимости Польши. О значимости данного вопроса говорит тот факт, что на своем втором собрании, 5 января 1906 г., тотемские кадеты вновь вернулись к вопросу об автономии Польши, и для более успешной пропаганды среди крестьян партийной программы, «признали желательным, чтобы вопрос об автономии Польши был выражен (в программе ПНС. — А.Е.) яснее и проще... Некоторыми членами группы было выражено мнение, что под автономией Польши программа партии разумеет будто бы полное отделение Польши от России, требование чего является очень непопулярным среди крестьян»⁸. Архангельские кадеты полагали, что «полякам лучше знать, какие им нужны законы», а поэтому «пускай они сами и составляют такие законы для себя, лишь бы они были в единении с Россией, подчинялись тем законам, которые должны быть одинаковы для всего русского государства, и участвовали в Государственной думе как равноправные русские граждане»⁹.

Большое внимание на собраниях кадеты уделяли обсуждению программ других политических партий, как правых, так и левых. Например, на собрании 13 января 1906 г. архангельские кадеты критиковали программу РСДРП за «грубый материализм», противопоставляя ей идеалы христианского социализма¹⁰. Стойкое неприятие у провинциальных кадетов вызывали программы правых партий — от партии Правового порядка до Союза русского народа.

Важнейшее значение кадеты придавали Государственной Думе, видя в ней основной инструмент реформирования страны.

⁴ Архангельск. 1907. 24 января.

⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 193. Л. 3.

⁶ Северная земля. 1906. 19 янв.

⁷ Северная земля. 1906. 26 янв.

⁸ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.

⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 196. Л. 3.

¹⁰ Северный листок. 1906. 17 янв.

Так, вологодские кадеты в январе 1906 г., обсуждая предстоящую избирательную кампанию в I Думу, решили, что партия должна участвовать в выборах, принять активное участие в работе парламента для проведения закона о всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании и «борьбы за свободу народа». Возражая представителям революционных партий, которые призывали к бойкоту выборов, кадет Львов говорил: «Так жить нельзя, флота нет, армия дезорганизована, народ голодает, финансы расстроены — а мы будем отказываться от Думы?!»¹¹. Кадеты Архангельска, рассмотрев вопрос об участии в избирательной кампании, решили участвовать в ней для того, чтобы Государственная Дума подняла вопрос о созыве Учредительного собрания¹².

Надежды либералов на I Государственную Думу были велики. Так, за три дня до открытия парламента на кадетском митинге в Вологде оратор полагал, что Думе «удастся провести демократические свободы, дать амнистию всем политическим и разрешить аграрный вопрос, добиться всеобщего, равного избирательного права. Решать эти вопросы надо с наименьшим количеством жертв, а если Думе воспрепятствуют в этом, тогда за нее восстанет весь народ, и каким способом он добьется удовлетворения своих требований — это дело народа»¹³. Архангельские кадеты считали, что в парламенте кадетская партия «должна заняться разработкой неотложных вопросов государственной жизни, относясь к Думе, как предварительному парламента»¹⁴.

Немаловажная проблема для провинциальных кадетов — с кем вступать в избирательные блоки. На выборах в I Думу кадеты Европейского Севера России шли самостоятельно, что во многом объясняется бойкотом избирательной кампании левыми партиями. На выборах во II Думу изменившаяся политическая ситуация вынудила провинциальных либералов искать союзников. В декабре 1906 г. архангельские кадеты, обсуждая варианты предвыборных соглашений, решили добиваться сплочения «оппозиционных элементов на выборах», что предполагало соглашение с левыми партиями. Поступившее от Партии правового по-

рядка предложение заключить предвыборное соглашение либералы категорически отвергли¹⁵. Аналогичную позицию занимали и вологодские кадеты — они приняли решение выставить совместный список кандидатов с эсерами и социал-демократами, хотя и отмечали серьезные теоретические расхождения с ними¹⁶.

На Европейском Севере России, как и в других регионах страны, наблюдались разнообразные контакты между кадетами и социалистами, сотрудничество между ними по ряду вопросов политической деятельности. Данное обстоятельство не следует рассматривать как проявление «революционности» Партии народной свободы. Либеральные мыслители довольно убедительно объяснили свое отношение к социалистам. «Когда либерализм отказывается от узкого и отвлеченно-формального понимания начала свободы, — писал П.И. Новгородцев, — а социализм примиряется с существующим государством, сохраняющим свою индивидуалистическую основу, свой характер системы свободы, — на практике, в осуществлении очередных жизненных задач их пути сближаются, как бы далеко ни расходились они в исходных основаниях и конечных идеалах. При этих условиях на социализм выпадает благодарная роль ускорять процесс социальных реформ, осуществляемых правовым государством»¹⁷.

Современники неоднократно замечали участие в кадетской партии отдельных лиц, разделявших идеи социализма. Для правых этот факт являлся лучшим доказательством «революционности» кадетов. Социалистические партии считали, что эти люди запутались в либеральной демагогии и не сумели разобраться в классовой сущности русского либерализма. Но сами кадеты ничего необычного в этом, на первый взгляд противоземельном, симбиозе не находили. Так, А.А. Корнилов писал, что и в Союзе освобождения, и в кадетской партии сошлись как сторонники, так и противники социализма. Однако, поскольку все они «одинаково исходили из начал демократии», а на построение социализма смотрели как на вопрос отдаленного будущего, соединение этих двух течений в одной партии, «состоящей

¹¹ Северная земля. 1906. 19 янв.

¹² Северный листок. 1906. 3 янв.

¹³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 28. Л. 101.

¹⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 57. Л. 26.

¹⁵ Северный листок. 1906. 12 дек.

¹⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 20. Л. 11.

¹⁷ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 515.

из приверженцев реальной политики, представлялось вполне допустимым, вполне возможным»¹⁸. По мнению кадет В.А. Оболенского, некоторые провинциальные социалисты пошли в ПНС, исходя из соображений практической общественной работы¹⁹. Действительно, ПНС, хотя и являлась нелегализованной партией, но не была запрещена, а значит, за членство в ней не грозили аресты, ссылки и другие меры, применявшиеся против революционных партий. Этим и пользовались некоторые социалисты, которые вступали в ПНС или сотрудничали с ней в той или иной форме, но по своим убеждениям были гораздо левее кадетов (яркий пример — С.М. Киров с 1909 по 1917 гг. являлся штатным сотрудником либеральной газеты «Терек»).

С другой стороны, в бурной обстановке Первой российской революции некоторые противники самодержавия, особенно в провинции, действительно не могли адекватно разобраться в партийных программах и вступили в кадетскую партию, искренне принимая ее за революционную организацию. Довольно показательным, хотя и не типичным, был случай с председателем Архангельского губернского комитета ПНС И.В. Галецким, избранным в I Государственную Думу от кадетской партии. Оказавшись в Думе, Галецкий посчитал, что кадеты занимают слишком правые позиции, вышел из фракции ПНС и примкнул к трудовикам²⁰. Этот поступок вызвал громкий политический скандал (об этом писала столичная пресса) и замешательство среди архангельских кадетов. Член ЦК ПНС А.М. Колюбакин выехал в Архангельск, чтобы попытаться разобраться в сложившейся ситуации. Долгие дискуссии о поступке Галецкого закончились тем, что почти половина архангельских кадетов (80 из 180) вышла из ПНС и конституировалась в группу трудовиков²¹. Данный случай показывает наличие среди провинциальных кадетов немалого числа лиц левых убеждений.

Как известно, кадеты представляли собой левый фланг русского либерализма, а октябристы — правый. Казалось бы, общ-

ность идеологии должна была сближать эти партии. Но реальность была совсем иной. Кадеты Европейского Севера России никогда не шли ни на какие блоки с октябристами, считая их правыми. В кадетских листовках и обращениях октябристы представлены одними из главных противников ПНС. Кадеты всегда подчеркивали, что нельзя идти ни на какие союзы с ними.

Совершенно по-другому провинциальные кадеты относились к социалистическим партиям, часто шли на сотрудничество с ними в конкретных делах, хотя и дискутировали в идеологической сфере. Реалии политической жизни показывают, что идеологические вопросы в провинции всегда отходили на второй план по сравнению с конкретными действиями: выборами в различные органы, совместными мероприятиями. Причина этого в том, что провинциальные партийные организации объединялись не столько на идейных позициях, сколько на отношении к власти и на решении конкретных дел. Отношение к местным властям, к политике государственной власти в целом было важнее идейных разногласий.

Так, лидер николевских кадетов И.Н. Зырин писал в августе 1906 г. в ЦК ПНС: «"Союз 17 октября"» доверием населения не пользуется, хотя и имеет значительно больше членов, записанных под давлением земских начальников. Отношение ПНС к правым партиям должно быть чисто отрицательным, с левыми же партиями возможно входить в соглашение»²². Подобные взгляды разделялись многими руководителями местных кадетских организаций. Показательно мнение тихвинских кадетов, высказанное в конце августа 1906 г.: «О союз с правыми не может быть и речи. С левыми в предвыборный период нужно объединяться на почве агитации за одних кандидатов. Но основными положениями программы партия не должна поступаться»²³.

В этой связи следует различать: одно дело — идейно-политическая доктрина партии, которая может быть консервативной, либеральной, социалистической, а другое — реальная партийная политика, которая определяется в партийной тактике, в отношении к властям и другим политическим силам. Зачастую именно поведение партии в кон-

¹⁸ Корнилов А.А. Партия Народной Свободы (исторический очерк). Одесса, 1917. С. 7.

¹⁹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 297.

²⁰ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 170. Л. 23.

²¹ Вестник Партии Народной Свободы. 1906. № 13. С. 1003.

²² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1004. Л. 2.

²³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1055. Л. 3.

кретной ситуации говорит о ее сущности больше, чем любые красивые лозунги, написанные на ее знамени.

Эту разницу хорошо видела либеральная публицистика того времени. А.С. Изгоев в предисловии к работе Ф. Мускатблита о выборах в I Государственную Думу писал, что «быстро текущая жизнь делит людей на партии не по их программам, а по тактике». Различия в программах не имеют «такого существенного значения, чтобы на них могли основываться жизненные, большие партии. Партия конституционно-демократическая, прославленная буржуазной, несомненно, имеет в своих рядах некоторых вполне убежденных социалистов. Большой и жизненной политической партией сделала ее не программа, а тактика»²⁴. Аналогичную мысль высказывал и В.Д. Кузьмин-Караваев, полагавший, что для оппозиционно настроенных избирателей, голодовавших за кадетскую партию, «суть дела была не столько в ее программе, сколько в том, что она является партией, резко и открыто отрицающей нынешнее направление правительственной деятельности. Избирателей, настроенных в противоположном смысле, так же точно влекла к себе не программа Союза 17 октября, а заявление о необходимости оказать поддержку правительству»²⁵.

Многие современники событий отмечали мировоззренческие, психологические различия между кадетами и октябристами. Кадет Н.Ф. Езерский писал, что октябристы и кадеты «говорили почти одно и то же, так что иные наивные люди удивлялись, отчего они спорятся». Однако дело было вовсе не в лозунгах: «Не столько в решении, сколько в самой постановке вопроса замечалась коренная разница: одна партия ставила их ребром, другая — экивоками... Еще больше бросалась в глаза разница в обсуждении вопросов, в общем облике обеих партий. Обыватель требовал не просто признания конституционного режима, а энергичного отстаивания его. И вот в этом к.-д. партия имела неоспоримое преимущество перед Союзом. Именно личное впечатление, неуловимое, психическое влияние тона речи, характера программных требований пе-

ретьягивало симпатии избирателей на сторону кадетов»²⁶.

Д.Н. Шипов писал в своих воспоминаниях, что кадетская партия «несомненно и искренно» стремилась к осуществлению в политической и социальной жизни истинно демократических идей, и это стремление вполне соответствовало его убеждениям. Но, «в этом вопросе мы, преследуя одинаковые цели, исходили из различных жизнепониманий». Затем Шипов показал, в чем же заключалось это разное «жизнепонимание»: для кадетов признание партийной политической борьбы «вытекало из основы их политического жизнепонимания», а для октябристов «мысль о необходимости такой борьбы не соответствовала их убеждениям, и они лишь примирялись с ней, как с неизбежным злом при развитии политической жизни». Кадетская партия, считал Шипов, встала на путь «несомненно революционный». Он отмечал: «Желая видеть в социалистических партиях своих союзников, к.-д. тем самым как бы признавали, что в основе идеологии и жизнепонимания той и другой группы нет существенных противоречий, и это признание, думается мне, в значительной мере соответствовало действительности»²⁷.

К роспуску I Государственной Думы все кадетские организации Европейского Севера России отнеслись крайне негативно. На своих собраниях кадеты приняли резолюции с резким осуждением решения властей и призывом к народу оказать поддержку Думе. Однако отношение к Выборгскому воззванию, содержащему призыв к пассивному сопротивлению властям, у местных кадетов было неоднозначным. Вологодские и архангельские кадеты его полностью поддерживали, никольские кадеты высказались более нейтрально, считая его необходимым актом, «который должны были совершить члены Государственной думы в ответ на роспуск Думы»²⁸. На белозерских кадетов воззвание «особенного впечатления не произвело: все ждали большего». Тихвинская группа ПНС признала Выборгское воззвание «с партийной точки зрения тактической ошибкой, и именно в части призывающей к нелегальным активным действиям»²⁹.

²⁴ Мускатблит Ф. Первый русский парламент (избирательная кампания и ее итоги). Одесса, 1906. С. 7.

²⁵ Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. СПб., 1907. Ч. 2. С. 245.

²⁶ Езерский Н.Ф. Государственная Дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 10.

²⁷ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 400.

²⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1004. Л. 2.

²⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1055. Л. 1.

Крестецкая группа ПНС осудила воззвание, усмотрев в нем «положения, не соответствующие принципам мирного перехода к конституционному строю»³⁰. По их мнению, призыв депутатов толкал население на революционный путь, что могло вылиться в кровавые столкновения с властями. Все провинциальные кадетские организации единодушно высказались против нелегальных методов борьбы.

Несмотря на довольно разные оценки Выборгского воззвания, большинство кадетских организаций сходилось в одном — в невозможности и нежелательности его проведения в жизнь. Типичным было мнение лидера николевских кадетов И.Н. Зырина, полагавшего, что призыв к неуплате налогов ударит, прежде всего, по земству, что крайне нежелательно, поскольку именно земство является одной из основных опор либерализма на местах³¹. Белозерский ка-

дет С.С. Холопов считал, что для осуществления идей воззвания «требуется высокая гражданская работа всего народа, чего в настоящее время не имеется»³².

Таким образом, политические взгляды кадетских организаций Европейского Севера России на реформирование государственного строя отличались довольно высоким уровнем радикализма — они выступали за всеобщее избирательное право, за придание Государственной Думе конституционных функций вплоть до превращения ее в Учредительное собрание, за передачу земли крестьянам. Такая позиция провинциальных либералов оказывала весьма существенное влияние на выработку ЦК ПНС политического курса. Во многом этим объясняется провал переговоров либералов с С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным о вхождении в состав правительства. Провинциальные кадеты являлись своеобразным барометром, показывавшим состояние дел на местах.

³⁰ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1057. Л. 1.

³¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1004. Л. 2.

³² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1056. Л. 3.

Литература

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1323. Оп. 1. Д. 168.
2. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 57.
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 5. Д. 20.
4. ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 28.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 193.
6. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 196.
7. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 70.
8. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 170.
9. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1004.
10. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1055.
11. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1056.
12. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1057.
13. Езерский Н.Ф. Государственная Дума первого созыва / Н.Ф. Езерский. Пенза, 1907. 201 с.
14. Корнилов А.А. Партия Народной Свободы (исторический очерк) / А.А. Корнилов. Одесса, 1917. 28 с.
15. Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения / В.Д. Кузьмин-Караваев. СПб., 1907. Ч. 2. 426 с.
16. Мускатблит Ф. Первый русский парламент (избирательная кампания и ее итоги) / Ф. Мускатблит. Одесса, 1906. 88 с.
17. Новгородцев П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. М., 1991. 640 с.
18. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники / В.А. Оболенский. Париж, 1988. 751 с.
19. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом / Д.Н. Шипов. М., 1918. 592 с.